

Роберт Стивенсон

Катриона

Приключения Дэвида Бэлфура

Роберт Льюис Стивенсон

Катриона

«Public Domain»

1893

Стивенсон Р.

Катриона / Р. Стивенсон — «Public Domain»,
1893 — (Приключения Дэвида Бэлфура)

Записки о дальнейших приключениях Дэвида Бальфура дома и за границей, в которых описываются его последующее участие в деле об аппинском убийстве, его столкновение с лордом-адвокатом Грантом, плен в Басе-Роке, путешествие по Голландии и Франции и странные взаимоотношения с Джемсом Мором Друммондом, или Мак-Грегором, сыном знаменитого Роб-Роя, и его дочерью Катрионою, написанные им самим и изданные Робертом Льюисом Стивенсоном.

Содержание

Перечень предыдущих приключений Давида Бальфура, описанных в романе «Похищенный»	6
Часть первая	8
I. Нищий стал богачом	8
II. Гайлэндский стряпчий	13
III. Я отправляюсь в Пильриг	18
IV. Лорд-адвокат Престонгрэндж	22
V. В доме адвоката	28
VI. Бывший лорд Ловат	32
VII. Я не сдержал свое слово	36
VIII. Наемный убийца	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Роберт Стивенсон Катриона

Catriona(1893)

Перевод О. В. Ротштейн, 1901.

* * *

Перечень предыдущих приключений Давида Бальфура, описанных в романе «Похищенный»

Братья Александр и Эбенезер Бальфуры из Шоос-гауза, находящегося около Крамоида, в Эттрикском лесу, оба влюбились в одну и ту же леди. Когда эта последняя предпочла старшего, Александра, то братья согласились, что Александр женится на ней, а Эбенезер в вознаграждение за свое разочарование получит поместье Шоос. Александр переехал с женой в Иссендин, где получил место школьного учителя, жил очень скромно. Здесь у них родился единственный сын Давид Бальфур – герой настоящего романа. Давид, воспитанный в неведении семейных обстоятельств и своих прав на поместье, потерял на восемнадцатом году родителей и не получил в наследство ничего, кроме запечатанного письма отца, адресованного дяде Давида – Эбенезеру и врученного ему иссендинским священником мистером Кемпбеллом. Отправившись в Шоос, чтобы передать письмо, Давид нашел в лице дяди бездетного скрягу, который весьма дурно принял племянника. После напрасных стараний лишить его жизни дядя обманом заманил его на борт брига «Конвент», под командой капитана Хозизена, отправлявшегося в Каролину, с тем, чтобы там Давида продали невольником на плантации. Но в самом начале путешествия «Конвент» наскочил на лодку и потопил ее. Из пассажиров лодки спасся и попал на судно Алан Брек – дворянин горной Шотландии, изгнанный после сорок пятого года. В то время он тайным образом доставлял подать, уплачиваемую его кланом своему вождю Ардшилю, жившему изгнанником во Франции. Хозизен и экипаж брига, узнав, что Алан везет золото, сговорились убить и ограбить его, но Давид, услышавший о заговоре, предупредил Алана и обещал ему помогать.

Под прикрытием капитанской каюты, а также благодаря храбрости Алана и его умению фехтовать оба они в последовавшем нападении одержали верх над нападавшими, убив и ранив их более половины. Вследствие этого капитан Хозизен лишился возможности продолжать путешествие и условился с Аланом, что высадит его на берег в таком месте, откуда ему легче всего попасть в Аппии, на его родину. Но, пытаясь достичь берега, «Конвент» наскочил на мель и погиб у берегов Малла. Часть экипажа спаслась; Давид был выброшен один на остров Эррейд и оттуда уже попал на Малл и прошел его. Алан, еще раньше проходивший тем же путем, велел передать Давиду, чтобы он следовал за ним и присоединился к нему в Аппине, в доме его родственника Джемса Глэнского. Идя на это свидание, Давид попал в Аппин в тот самый день, когда королевский агент Колин Рой-Кемпбелл из Гленура в сопровождении отряда солдат отправлялся выгонять арендаторов из конфискованных поместий Ардшиля: случайно он присутствовал при смерти Гленура, убитого на дороге выстрелом из ближайшего леса. Заподозренный в сообщничестве с убийцей, в то время как на самом деле он гнался за ним, Давид обратился в бегство. Вскоре к нему присоединился Алан Брек, который прятался неподалеку, хотя стрелял не он. Обоим пришлось вести жизнь преследуемых беглецов, так как убийство возбудило большой шум и обвинение в нем пало на Джемса Стюарта Глэнского, на уже осужденного Алана Брека и на неизвестного юношу, под которым подразумевался Давид Бальфур. За поимку их была объявлена награда, и солдаты обыскивали всю страну. Во время своих скитаний Алан и Давид посетили Джемса Стюарта в Аухарне, прятались в доме Ключни Макферсона и на время болезни Давида останавливались у Дункана Ду Мак-Ларена в Бальуйдере, где Алан состязался на флейтах с Робином Ойгом, сыном Роб-Роя. Наконец, после многочисленных опасностей и претерпев много страданий, они достигли границы Гайлэнда и реки Форт; однако, боясь быть арестованными, не решались переправиться через реку, пока не убедили дочь содержателя постоялого двора в Лимекильисе, Ализон Хэсти, перевезти их ночью на Лотианский берег. Алан продолжал скрываться, а Давид отправился к мистеру Ран-

кэйлору, стряпчему, бывшему поверенному по делам поместья Шоос. Этот последний сейчас же принял его сторону и составил план действий, который при помощи Алана был приведен в исполнение, вследствие чего Эбenezер Бальфур был принужден признать право своего племянника на наследование поместья, а пока выплачивать ему ежегодно приличную сумму из дохода от него.

Давид Бальфур, вступив во владение своим наследством, предполагает ехать заканчивать свое образование в Лейденском университете. Но прежде ему следует исполнить долг дружбы и помочь Алану уехать из Шотландии, а также долг совести, заключающийся в засвидетельствовании невинности Джемса Стюарта Глэнского, заключенного в тюрьму в ожидании суда за аппинское убийство.

Часть первая Лорд-адвокат

І. Нищий стал богачом

25 августа 1751 года, около двух часов пополудни, я, Давид Бальфур, выходил из Британской льнопрядильной компании. Рассыльный нес за мной мешок с деньгами, а несколько главных представителей этой фирмы поклонились мне, когда я прошел мимо их дверей. Два дня назад и даже еще вчера утром я был похож на нищего с большой дороги, одетого в лохмотья, без гроша в кармане; товарищем моим был осужденный законом мятежник, а голова моя была оценена за преступление, о котором говорила вся страна. Сегодня я занял положение в свете, положение лэрда, владеющего обширным поместьем. Рассыльный из банка нес за мной мои деньги, в кармане моем лежали рекомендательные письма – словом, как говорит поговорка, «мяч лежал у самых ног моих».

Однако два обстоятельства несколько умили мой пыл. Первым было трудное и опасное дело, которым мне предстояло заняться; вторым – место, где я находился. Громадный и сумрачный город, движение и шум толпы – все это было для меня совсем новым миром после болотных кочек, морских песков и тихих деревенских пейзажей, среди которых я так недавно скитался. В особенности смущали меня горожане. Сын Ранкэйлора был небольшого роста и худощав; его одежда с трудом налезла на меня. В таком виде мне не пристало важно выступать впереди банкового рассыльного. Меня бы, конечно, стали высмеивать или, что еще того хуже, расспрашивать. Мне нужно было приобрести себе одежду, а пока идти рядом с рассыльным, взяв его под руку, точно мы друзья.

В магазине в Люккенбусе я купил себе платье, не слишком роскошное, так как я вовсе не желал казаться выскочкой, но добротное и приличное, чтобы слуги относились ко мне с уважением. Оттуда я прошел к оружейнику, где приобрел плоскую шпагу, как того требовало мое положение. С этим оружием я почувствовал себя в большей безопасности, хотя при моем умении защищаться оно, скорее, могло быть опасным. Рассыльный, человек довольно опытный, нашел удачным мой выбор одежды.

– Ничего не бросается в глаза, – сказал он, – все скромно и прилично. Что же касается шпаги, то, конечно, она требуется вашим положением. Но если бы я был на вашем месте, то сумел бы сделать из своих денег лучшее употребление.

И он предложил мне купить теплые чулки у торговки в Коугэт-Бек, приходившейся ему двоюродной сестрой, у которой они были «необыкновенно прочны».

Но у меня были другие, более спешные дела. Я очутился в старинном, мрачном городе, который всякому постороннему человеку казался каким-то кроличьим садком не только по количеству обитателей, но и по тому, как были запутаны его переходы и закоулки. Ни один чужеземец не мог отыскать здесь приятеля или знакомого. Если он даже и попал в тот дом, куда следует, то мог бы искать весь день ту дверь, которая была ему нужна, – так много народа жило в этих домах. Обычно здесь нанимали мальчика, называвшегося «кэдди». Он служил проводником и водил вас, куда вам было нужно, и потом, когда ваши дела были закончены, провожал вас обратно домой. Но кэдди, занимавшиеся постоянно этим делом и обязанные знать каждый дом и каждое лицо в городе, образовали группу шпионов. Я слышал от мистера Кемпбелла, что они сообщались между собой, чрезвычайно интересовались делами нанимателя и служили глазами и ушами полиции. В моем положении было очень неблагоприятно водить за собой такого шпиона. Мне нужно было сделать три визита: моему родственнику мистеру Бальфуру из Пиль-

рига, адвокату Стюартов – аппинскому поверенному, и, наконец, Вильяму Гранту, эсквайру из Престонгрэнджа, лорду-адвокату Шотландии. Визит к мистеру Бальфуру не мог компрометировать меня; кроме того, так как Пильриг находился за городом, я при помощи моих ног и языка мог бы сам найти туда дорогу. Но с остальными двумя визитами дело обстояло иначе. Визит к аппинскому поверенному в то время, когда вокруг только кричали, что об аппинском убийстве, был не только опасен, но и в полнейшем противоречии с посещением лорда-адвоката. Даже в лучшем случае мое объяснение с Вильямсом Грантом должно было быть затруднительно для меня, но, если бы он узнал, что я пришел к нему от аппинского поверенного, это вряд ли поправило бы мои собственные дела и могло бы совсем испортить дело Алана. Вот почему у меня был вид человека, который одновременно бежит вместе с зайцами и преследует их вместе с собаками, – положение, которое мне совсем не нравилось. Поэтому я решил сразу же покончить с мистером Стюартом и всей якобитской стороной моего дела и воспользоваться для этой цели указаниями рассыльного из банка. Но случилось, что я не успел еще сказать ему адрес, как пошел дождь, не очень сильный, но который мог испортить мое новое платье, и мы остановились под навесом при входе в узкий переулок.

Будучи не знаком с местностью, я прошел немного дальше. Узкий мощный тупик круто спускался вниз. По обе его стороны тянулись поразительно высокие дома с выступавшими один над другим этажами. На самом верху виднелась только узкая полоска неба. По всему, что я мог разглядеть сквозь окна домов, а также по почтенной внешности людей, которые входили и выходили из них, я заключил, что население этих домов очень приличное; весь же этот уголок заинтересовал меня, точно сказка.

Я все еще стоял и смотрел, как вдруг сзади меня послышались скорые мерные шаги и звон стали. Быстро повернувшись, я увидел отряд вооруженных солдат, окружавших высокого человека в плаще. У него была чрезвычайно изящная, благородная походка, он с естественной грацией размахивал руками, но красивое его лицо имело хитрое выражение. Мне показалось, что он смотрит на меня, но я не мог поймать его взгляда. Вся процессия прошла мимо, направляясь к двери, выходившей в переулок, которую открыл человек в богатой ливрее. Два солдата ввели арестанта в дом, остальные с ружьями стали ждать у дверей.

На улицах города ничего не может произойти, чтобы не собрались праздные люди и дети. То же случилось и сейчас. Вскоре, однако, собравшиеся разошлись, и остались только трое. Среди них была девушка, одетая, как леди, и носившая на головном уборе цвета Друммондов. Товарищи ее или, вернее, провожатые были оборванными молодцами, подобных которым я во множестве встречал во время скитания по Гайлэнду. Все трое серьезно разговаривали между собой по-гэльски. Звук этого языка был мне приятен, так как напоминал об Алане. Хотя дождь перестал и рассыльный торопил меня, приглашая идти дальше, я подошел еще ближе к этой группе в надежде расслышать их разговор. Молодая девушка строго бранила обоих оборванцев, а они раболепно просили прощения; было видно, что она принадлежала к семье их вождя. Все трое рылись в карманах, и, насколько я мог попятить, у всех вместе было всего полфартинга. Я улыбнулся, увидев, что все гайлэндеры похожи друг на друга: у всех благородные манеры и пустые кошельки.

Девушка внезапно обернулась, и я увидел ее лицо. Нет ничего удивительнее того действия, какое лицо молодой женщины оказывает на мужчину: оно запечатлевается в его сердце, и кажется, будто именно этого лица-то и не доставало ему. У нее были удивительные глаза – яркие, как звезды; они, должно быть, тоже содействовали общему впечатлению. Но яснее всего я припоминаю ее чуть-чуть приоткрытый рот. Какова бы ни была причина, по я стоял и глазел на нее как дурак. Она же, не предполагая, что кто-нибудь может находиться так близко, посмотрела на меня удивленным взглядом и более долго, чем того требовали приличия.

Мне пришло в голову, не удивляется ли она моей новой одежде. При этой мысли я покраснел до корней волос, но она, должно быть, сделала из этого собственное заключение,

потому что отошла со своими провожатыми подальше в переулок, где они и продолжали свой спор, которого я больше не мог слышать.

Я часто и прежде восхищался молодыми девушками, но никогда мое восхищение не было таким сильным и неожиданным. Я обыкновенно бывал более склонен отступить, чем смело идти вперед, так как очень боялся быть осмеянным женщиной. Казалось бы, что и сейчас было множество причин для того, чтобы я прибегнул к своему постоянному образу действий; я встретил эту молодую девушку на улице, в сопровождении двух оборванных, неприличного вида гайлэндеров и не мог сомневаться в том, что она следовала за арестантом. Но к этому присоединилось и нечто другое: девушка, очевидно, подумала, что я подслушиваю ее тайны. Теперь, в моем новом положении, когда у меня была шпага и новое платье, я не мог перенести этого. Разбогатевший нищий не мог примириться с мыслью, что стоит так низко в мнении молодой девушки.

Я последовал за ней и, сняв со всем изяществом, на которое был способен, мою новую шляпу, сказал:

– Сударыня, считаю долгом заявить вам, что не понимаю по-гэльски. Правда, я слушал ваш разговор, потому что у меня есть друзья по ту сторону границы и звук этого языка напоминает мне о них. Но если бы вы говорили по-гречески, я и тогда бы узнал не больше о ваших личных делах.

Она слегка поклонилась мне.

– В этом я не вижу ничего дурного, – сказала она; произношение ее было правильно и очень походило на английское, хотя звучало гораздо приятнее. – И кошка может смотреть на короля.

– Я не хотел оскорбить вас, – продолжал я. – Я не знаю городского обхождения и никогда до сегодняшнего дня не бывал в Эдинбурге. Считайте меня деревенщиной, и вы будете правы. Мне легче самому признаться в этом, чем ждать, когда вы это увидите.

– Действительно, довольно странно, чтобы посторонние люди разговаривали друг с другом на улице, – сказала она. – Но если вы воспитаны в деревне, то это меняет дело. Я тоже деревенская девушка и родом из Гайлэнда, как видите, поэтому я и чувствую себя как в чужой стране.

– Не прошло еще недели с тех пор, как я перешел границу и был на склонах Бальуйддера, – заметил я.

– Бальуйддера? – воскликнула она. – Так вы из Бальуйддера? При одном этом имени у меня становится радостно на душе. Если вы пробыли там довольно долго, то, конечно, узнали кой-кого из наших друзей и родственников.

– Я жил у чрезвычайно честного и доброго человека, по имени Дункан Ду Мак-Ларен, – отвечал я.

– Я знаю Дункана, и вы совершенно правильно назвали его честным человеком, – сказала она. – Жена его тоже честная женщина.

– Да, – согласился я, – они прекрасные люди. Местность там тоже очень красива.

– Где еще можно найти подобное местечко? – воскликнула она. – Я люблю все запахи его зелени и все, что там растет.

Мне очень нравилось оживление девушки.

– Жаль, что я не привез вам пучка вереска, – сказал я. – Хотя мне и не следовало заговаривать с вами, но теперь, когда оказалось, что у нас есть общие знакомые, очень прошу вас не забывать меня. Мое имя Давид Бальфур. Сегодня у меня счастливый день: я вступил во владение поместьем и недавно избежал серьезной опасности. Мне хотелось бы, чтобы вы не забыли моего имени ради Бальуйддера, – заключил я. – Я тоже буду хранить ваше имя в память о моем счастливом дне.

– Мое имя нельзя произносить, – отвечала она высокомерно. – Уже более ста лет его никто не упоминает, разве только случайно. У меня нет имени, как у Сынов Мира¹. Меня называют только Катрионой Друммонд.

Теперь я знал, с кем имел дело. Во всей Шотландии было запрещено лишь одно имя – имя Мак-Грегоров. Но, вместо того чтобы бежать от такого нежелательного знакомства, я продолжал наш разговор.

– Я встречал человека, который был в таком же положении, как и вы, – сказал я, – и думаю, что он вам, вероятно, родственник. Его зовут Робин Ойг.

– Неужели? – воскликнула она. – Вы встречали Роба?

– Я провел с ним ночь, – отвечал я.

– Да, он ночная птица, – заметила она.

– Там было две флейты, – продолжал я, – и вы сами понимаете, как прошло время.

– Во всяком случае, вы, вероятно, не враг, – сказала она. – Это его брата провели мимо нас минуту тому назад в сопровождении красных солдат. Он мой отец.

– Неужели? – воскликнул я. – Так вы дочь Джемса Мора?

– Его единственная дочь, – отвечала она, – дочь заключенного! Как я могла забыть об этом хоть на час и разговаривать с чужими!

Тут один из спутников ее обратился к ней на ужасном английском языке, спрашивая, что ему делать с табаком. Я обратил на него внимание: это был небольшого роста человек, с кривыми ногами, рыжими волосами и большой головой. Впоследствии, на беду, мне пришлось поближе узнать его.

– Сегодня не будет табаку, Нэйль, – отвечала она. – Как тебе достать его без денег? Пусть это послужит тебе уроком: в следующий раз будь внимательнее. Я думаю, что Джемс Мор не очень будет доволен Нэйлем.

– Мисс Друммонд, – сказал я, – я уже говорил вам, что сегодня для меня счастливый день. За мной идет рассыльный из банка. Вспомните, что я был радушно принят в вашей стране, в Бальуйддере.

– Вас принимал человек не моего клана, – отвечала она.

– Положим, – отвечал я, – но я очень обязан вашему дяде за его игру на флейте. Кроме того, я предложил вам свою дружбу, и вы позабыли вовремя отказаться от нее.

– Ваше предложение сделало бы вам честь, если бы речь шла о большой сумме, – сказала она, – но я скажу вам, в чем тут дело. Джемс Мор сидит в тюрьме, закованный в кандалы. Последнее время его ежедневно приводят сюда к лорду-адвокату...

– К лорду-адвокату? – воскликнул я. – Разве это?

– Это дом лорда-адвоката Гранта из Престонгрэнджа, – отвечала она. – Они уже несколько раз приводили сюда моего отца. Не знаю, для какой цели, но, кажется, появилась какая-то надежда на его спасение. Они не позволяют мне видаться с отцом, а ему – писать мне. Нам приходится поджидать его на Кингс-стрите, чтобы передать по дороге табак или что-нибудь другое. Сегодня этот разиня Нэйль, сын Дункана, потерял четыре пени, которые я дала ему на покупку табака. Джемс Мор останется без табака и подумает, что его дочь позабыла о нем.

Я вынул из кармана монету в шесть пенсов, отдал ее Нэйлю и послал его за табаком. Затем, обратившись к ней, я заметил:

– Эти шесть пенсов были со мной в Бальуйддере.

– Да, – сказала она, – вы друг Грегоров!

---

¹ Сказочные персонажи.

– Мне не хотелось бы обманывать вас, – продолжал я. – Я очень мало знаю о Грегорах и еще менее о Джемсе Море и его делах. Но, с тех пор как я стою в этом переулке и узнал кое-что о вас, вы не ошибетесь, если назовете меня «другом мисс Катрионы».

– Одно не может быть без другого, – возразила она.

– Я постараюсь заслужить это звание, – сказал я.

– Что можете вы подумать обо мне, – воскликнула она, – когда я протягиваю руку первому попавшемуся незнакомцу!

– Я думаю только, что вы хорошая дочь.

– Я верну вам деньги, – сказала она. – Где вы остановились?

– По правде сказать, я пока нигде не остановился, – сказал я, – так как нахожусь в городе менее трех часов. Но если вы дадите мне свой адрес, я сам приду за своими шестью пенсами.

– Могу я положиться на вас? – спросила она.

– Вам нечего бояться: я сдержу свое слово, – отвечал я.

– Иначе Джемс Мор не принял бы ваших денег, – сказала она. – Я живу за деревней Дин, на северном берегу реки, у миссис Друммонд Ожильви из Аллардейса, моей близкой родственницы.

– Значит, мы увидимся с вами, как только позволят мои дела, – сказал я и, снова вспомнив об Алане, поспешно простился с ней.

Я не мог не подумать, прощаясь, что мы чувствовали себя слишком свободно для такого кратковременного знакомства и что действительно благовоспитанная девушка была бы менее решительной. Рассыльный прервал мои дурные мысли.

– Я думал, что у вас есть хоть немного здравого смысла, – заметил он с неудовольствием. – Таким образом мы никогда не дойдем до места. С первого шага вы уже стали бросать деньги. Да вы настоящий волокита – вот что! Водитесь с потаскушками!

– Если вы только осмелитесь говорить так о молодой леди... – начал я.

– «Леди»! – воскликнул он. – Сохрани меня боже! О какой леди идет речь? Разве это леди? Город полон такими леди. «Леди»! Видно, что вы мало знакомы с Эдинбургом.

Я рассердился.

– Ведите меня, куда я приказывал вам, – сказал я, – и не смейте рассуждать.

Он не вполне послушался меня; хотя и не обращаясь прямо ко мне, он по дороге, бесстыдно усмехаясь, напевал чрезвычайно фальшиво:

Шла Малли Ли по улице, слетел ее платок.
Она сейчас головку вбок – глядит, где мил дружок,
И мы идем туда, сюда, во все концы земли,
Ухаживать, ухаживать за ней, за Малли Ли!

II. Гайлэндский стряпчий

Мистер Чарлз Стюарт, стряпчий, жил на верху самой длинной лестницы, которую когда-либо выложил каменщик: в ней было не менее пятнадцати маршей. Когда я наконец добрался до двери и мне отворил клерк, объявивший, что хозяин дома, я едва мог перевести дух и отправить своего рассыльного.

– Идите прочь на все четыре стороны! – сказал я, взяв у него из рук мешок с деньгами, и последовал за клерком.

В первой комнате помещалась контора. Там не было никакой мебели, кроме стула клерка и стола, заваленного судебными делами. В соседней комнате человек невысокого роста внимательно изучал какой-то документ и едва поднял глаза, когда я вошел. Он даже не снял пальца с листа, который он просматривал, словно собирался выпроводить меня и снова заняться своим делом. Это мне вовсе не понравилось. Еще менее понравилось мне то, что клерк из своей комнаты мог слышать весь наш разговор.

Я спросил, он ли мистер Чарлз Стюарт, стряпчий.

– Я самый, – отвечал он. – Позвольте мне, со своей стороны, спросить, кто вы такой?

– Вы никогда не слыхали ни обо мне, ни о моем имени, – сказал я. – Но у меня есть знак от человека, хорошо известного вам. Вы его хорошо знаете, – повторил я, – но, может быть, не желали бы слышать о нем при теперешних обстоятельствах. Дело, которое я хочу доверить вам, конфиденциальное. Словом, я хотел бы быть уверенным, что оно останется между нами.

Не говоря ни слова, он встал, с недовольным видом отложил в сторону свой документ, отослал клерка по какому-то поручению и запер за ним дверь.

– Теперь, сэр, – сказал он, вернувшись, – говорите, что вам надо, и не бойтесь ничего. Хотя я уже предчувствую, в чем дело! – воскликнул он. – Говорю вам вперед: или вы сам Стюарт, или присланы Стюартом! Это славное имя, и мне не годится роптать на него, но я начинаю сердиться при одном его звуке.

– Мое имя Бальфур, – сказал я. – Давид Бальфур из Шооса. А кто послал меня, вы узнаете по этой вещице. – И я показал ему серебряную пуговицу.

– Положите ее обратно в карман, сэр! – воскликнул он. – Вам нечего называть имя ее владельца. Я узнаю пуговицу этого негодяя. Черт бы его побрал! Где он теперь?

Я сказал ему, что не знаю, где теперь находится Алан, но что он нашел себе безопасное убежище – так он, по крайней мере, думал – где-то на севере от города. Он должен остаться там, пока не достанут для него судно. Я сообщил ему также, как и где можно увидеть Алана.

– Я всегда ожидал, что мне придется угодить на виселицу из-за моей семейки! – воскликнул он. – И мне думается, что день этот настал! Найти для него судно, говорит он! А кто будет платить за него? Он, должно быть, с ума сошел!

– Эта часть дела касается меня, мистер Стюарт, – сказал я. – Вот вам мешок с деньгами, а если понадобится больше, то можно будет достать и еще.

– Мне нет надобности спрашивать, к какой партии вы принадлежите, – заметил он.

– Вам нет надобности спрашивать, – ответил я, улыбаясь, – потому что я самый настоящий виг.

– Подождите, подождите... – прервал мистер Стюарт. – Что все это значит? Вы виг? Тогда зачем же вы здесь с пуговицей Алана? И что это за темное дело, в котором замешаны и вы, господин виг! Вы просите меня взяться за дело человека, осужденного за мятеж и обвиняемого в убийстве, – человека, чью голову оценили в дзести фунтов, а потом объявляете, что вы виг! Хотя я встречал и много вигов, но что-то не помню таких!

– Он – осужденный законом мятежник, – сказал я, – и я об этом сожалею, так как считаю его своим другом. Я бы желал, чтобы им лучше руководили в молодости. На горе ему, его обвиняют также в убийстве, но обвинение это несправедливо.

– Если вы уверяете, что это так... – начал Стюарт.

– Не вы один услышите это от меня, но и другие, и в скором времени, – отвечал я. – Алан невинен так же, как и Джемс.

– О, – заметил он, – одно вытекает из другого. Если Алан не причастен к делу, то и Джемс не может быть виновен.

Вслед за тем я кратко рассказал ему о моем знакомстве с Аланом, о случае, вследствие которого я сделался свидетелем аппинского убийства, о различных приключениях во время нашего бегства и о моем вступлении во владение поместьем.

– Теперь, сэр, – продолжал я, – когда вы познакомились со всеми этими событиями, вы сами видите, каким образом я оказался замешанным в дела вашего семейства и ваших друзей. Для всех нас было бы желательнее, чтобы дела эти были более простые и менее кровавые. Вы поймете также и то, что у меня могут быть по этому делу такие поручения, которые я не могу дать первому попавшемуся адвокату. Мне остается только спросить вас, беретесь ли вы за мое дело.

– Мне бы не особенно хотелось браться за него, но раз вы пришли с пуговицей Алана, то мне едва ли возможно выбирать, – сказал Стюарт. – Каковы же ваши распоряжения? – прибавил он, взяв перо.

– Первое – это тайно отправить отсюда Алана, – начал я. – Думаю, что этого и повторять нечего.

– Да, я это вряд ли забуду, – отвечал Стюарт.

– Второе – это деньги, которые я остался должен Ключни, – продолжал я. – Мне нелегко переправить их ему, но вас это вряд ли затруднит. Ему следует два фунта пять шиллингов и три четверти пенса.

Он записал.

– Затем мистер Гендерлэнд, – сказал я, – проповедник и миссионер в Ардгуре. Я бы очень хотел послать ему табаку. Вы, без сомнения, поддерживаете отношения с вашими аппиискими друзьями, а это так близко от Аппина, что, вероятно, сможете взяться и за это дело.

– Сколько послать табаку? – спросил он.

– Два фунта, я думаю, – отвечал я.

– Два, – повторил Стюарт.

– Потом еще Ализон Хэсти, девушка из Лимекильнса, – продолжал я, – та, которая помогла нам с Аланом переправиться через Форт. Я бы хотел послать ей хорошее воскресное платье, приличное ее положению. Это значительно облегчило бы мою совесть: ведь, по правде сказать, мы оба обязаны ей жизнью.

– Я с удовольствием отмечаю, что вы щедры, мистер Бальфур, – сказал он, записывая.

– Было бы стыдно не быть щедрым в первый день, когда стал богатым, – возразил я. – А теперь сосчитайте, пожалуйста, сколько пойдет на издержки и на оплату вашего труда. Мне хотелось знать, не останется ли мне немного карманных денег, не потому, что мне жаль истратить всю сумму, – мне лишь бы знать, что Алан в безопасности, – и не потому, что у меня ничего больше нет, но я в первый день взял так много денег в банке, что будет не очень красиво, если на другой день я снова явлюсь за деньгами. Только смотрите, чтобы вам хватило, – прибавил я, – мне вовсе не хотелось бы снова встречаться с вами.

– Мне нравится, что вы так предусмотрительны, – отозвался стряпчий. – Но, мне кажется, вы идете на риск, оставляя такую большую сумму на мое усмотрение.

Он сказал это с явной насмешкой.

– Что же, приходится рисковать, – отвечал я. – Я хочу попросить вас еще об одной услуге, а именно – указать мне квартиру, так как пока у меня нет крова. Только надо устроить так, будто я случайно нашел эту квартиру, а то будет очень скверно, если лорд-адвокат узнает, что мы с вами знакомы.

– Можете быть совершенно спокойны, – сказал Стюарт. – Я никогда не произнесу вашего имени, сэр. Я думаю, что лорда-адвоката пока можно поздравить с тем, что он не знает о вашем существовании.

Я увидел, что не совсем удачно принялся за дело.

– В таком случае для него готовится неприятный сюрприз, – заметил я, – ему придется узнать о моем существовании завтра же, когда я приду к нему.

– Когда вы придете к нему? Повторил мистер Стюарт. – Кто из нас сошел с ума, вы или я? Зачем вам идти к адвокату?

– Для того, чтобы выдать себя, – отвечал я.

– Мистер Бальфур, – воскликнул он, – вы, кажется, смеетесь надо мной?!

– Нет, сэр, – сказал я, – хотя вы, кажется, позволили себе такую вольность по отношению ко мне. Но я говорю вам раз навсегда: я не расположен шутить.

– И я тоже, – отвечал Стюарт. – И говорю вам, употребляя ваше же выражение, что ваше поведение нравится мне все менее и менее. Вы являетесь ко мне со всякого рода предложениями, имеющими целью побудить меня взяться за ряд весьма сомнительных дел и довольно долгое время быть в сношениях с весьма подозрительными людьми. А затем вы объявляете, что прямо из моей конторы идете мириться с лордом-адвокатом! Ни пуговицы Алана, ни даже он сам не заставят меня приняться за ваше дело.

– По-моему, нечего так сердиться, – сказал я. – Может быть, и возможно избежать того, что вам так не нравится, но я вижу лишь один выход: пойти к адвокату и открыться ему. Но вы, может быть, знаете иной выход. И если вы действительно найдете его, то, признаюсь, я почувствую большое облегчение. Мне кажется, что от переговоров с лордом-адвокатом мне не поздоровится. Однако мне ясно, что я должен дать свои показания, – так я надеюсь спасти репутацию Алана, если от нее еще что-нибудь осталось, и голову Джемса, что не терпит отлагательства.

Он помолчал секунду и затем сказал:

– Ну, любезный, вам никогда не позволят дать эти показания.

– Ну, мы еще посмотрим, – отвечал я, – я умею быть настойчивым, когда хочу.

– Ах вы чудак! – закричал Стюарт. – Ведь им нужна голова Джемса! Джемса надо повесить. И Алана тоже, если бы они могли поймать его, но уж Джемса-то во всяком случае! Ступайте-ка к адвокату с таким делом, и вы увидите, что он сумеет утихомирить вас.

– Я лучшего мнения о лорде-адвокате, – сказал я.

– К черту адвоката! – воскликнул он. – Тут главное Кемпбеллы, мой милый! Весь клан навалится на вас, да и на несчастного адвоката тоже! Удивительно, как вы не понимаете своего положения! Если у них не будет честного средства остановить вашу болтовню, они прибегнут к нечестному. Они могут посадить вас на скамью подсудимых, понимаете ли вы это? – воскликнул он и ткнул меня пальцем в колено.

– Да, – сказал я, – не далее как сегодня утром мне говорил об этом другой стряпчий.

– Кто такой? – спросил Стюарт. – Он, по крайней мере, говорил разумно.

Я сказал, что не могу назвать его, потому что это убежденный старый виг и он бы не пожелал быть замешанным в такого рода дело.

– Мне кажется, что весь свет замешан в это дело! – крикнул Стюарт. – Что же вы ответили ему?

Я рассказал ему, что произошло между мной и Ранкэйлором перед Шоос-гаузом.

– Значит, вы будете висеть рядом с Джемсом Стюартом! – сказал он. – Это нетрудно предсказать.

– Я все-таки надеюсь на лучшее, – отвечал я, – но не отрицаю, что иду на риск.

– «На риск»! – повторил он и снова помолчал. – Мне следует поблагодарить вас за вашу верность моим родственникам, которым вы выказываете большое расположение, – продолжал он, – если только у вас хватит твердости не изменить им. Но предупреждаю, что вы подвергаете себя опасности. Я бы не хотел быть на вашем месте, хотя сам я Стюарт, если бы это было нужно всем Стюартам со времен Ноя. Риск! Да я постоянно подвергаюсь риску. Но судиться в стране Кемпбеллов по делу Кемпбеллов, когда и судьи и присяжные – Кемпбеллы... Думайте обо мне что хотите, Бальфур, но это свыше моих сил.

– У нас, должно быть, различные взгляды на вещи, – заметил я. – Я был воспитан в этих взглядах моим отцом.

– Честь и слава ему! Он оставил достойного сына, – сказал он. – Но мне не хотелось бы, чтобы вы судили меня слишком строго. Мое положение чрезвычайно тяжелое. Видите ли, сэр, вы говорите что вы виг, а я сам не знаю, кто я такой. Разумеется, не виг – вигом я не могу быть. Но, примите это к сведению, я, может быть, не особенно ревностный сторонник противной партии.

– Правда? – воскликнул я. – Этого можно было ожидать от такого умного человека.

– Без лести, пожалуйста! – воскликнул он. – Умные люди есть как на одной, так и на другой стороне. Но я лично не имею ни малейшего желания вредить королю Георгу. Что же касается короля Якова, то я ничего не имею против того, что он за морем. Видите ли, я прежде всего юрист. Я люблю свои книги, склянку с чернилами, хорошую защитительную речь, хорошо написанное дело, стаканчик вина, распитый в здании парламента с другими адвокатами, и, пожалуй, партию в гольф в субботу вечером. Какое все это имеет отношение к гайлэндским пледам и палашам?

– Действительно, – сказал я, – вы мало похожи на дикого гайлэндера.

– Мало? – повторил он. – Совсем не похож, мой милый! А между тем я по рождению гайлэндер и обязан плясать под дудку своего клана. Мой клан и мое имя должны быть прежде всего. Это то же самое, о чем и вы говорили. Отец научил меня этому, и вот мне приходится заниматься прекрасным ремеслом! Постоянно я имею дело с изменой и изменниками и должен тайно перевозить их то туда, то сюда, а тут еще французские рекруты – пропади они пропадом! – их тоже приходится тайно переправлять! А иски-то, просто горе с их исками! Недавно я возбудил иск от имени молодого Ардшиля – моего двоюродного брата. Он требовал себе поместье на основании брачного договора. Это конфискованное-то поместье! Я говорил им, что это бессмыслица, но им до этого дела нет. И вот я должен был прятаться за другого адвоката, которому тоже не нравилось это дело, потому что оно грозило гибелью нам обоим, вооружало против нас, ложилось позорным пятном на нашу репутацию! А что я мог сделать? Ведь я Стюарт и должен расшибиться в лепешку за свой клан и свое семейство! Еще вчера одного из Стюартов отвезли в тюрьму. За что? Я прекрасно знаю: акт тысяча семьсот тридцать шестого года, набор рекрутов для короля Людовика. Вот увидите, он вызовет меня защищать его, и это ляжет новым пятном на мое имя. Уверяю вас, что если бы я только что-нибудь понимал в ремесле священника, то бросил бы все и стал бы священником!

– Это действительно тяжелое положение, – сказал я.

– Чрезвычайно тяжелое! – воскликнул он. – Вот почему я такого высокого мнения о вас, не Стюарте, за то, что вы погружаетесь с головой в дело Стюартов. Зачем вы это делаете, я не знаю. Разве что по чувству долга...

– Вы не ошибаетесь, – ответил я.

– Это прекрасное качество, – сказал он. – Но вот вернулся мой клерк. Если позволите, мы пообедаем втроем. После обеда я дам вам адрес очень приличного человека, который охотно

примет вас постояльцем. Кроме того, я наполню ваши карманы золотом из вашего же мешка. Дело ваше вовсе не будет стоить так дорого, как вы предполагаете, даже перевоз на корабле.

Я сделал ему знак, что клерк может услышать.

– Вам нечего бояться Робби! – воскликнул он. – Он тоже Стюарт, бедняга, и отправил тайком больше французских рекрутов и изменников-папистов, чем у него было волос на голове. Робин ведаёт этой частью моих дел. Кого мы теперь найдем, Роб, для переезда во Францию?

– Здесь находится в настоящее время Энди Скоугель на «Тристле», – отвечал Роб. – Я как-то встретил также Хозизена, но у него нет корабля. Затем еще Том Стобо, но в нем я не так уверен: я видел, как он разговаривал с какими-то лихими и подозрительными личностями. Если дело идет о ком-нибудь значительном, то я не доверил бы его Тому.

– Голову этого человека оценили в двести фунтов, Робин, – сказал Стюарт.

– Неужели это Алан Брек? – воскликнул клерк.

– Он самый, – отвечал его хозяин.

– Черт возьми, это серьезное дело! – проговорил Робин. – Я попробую поговорить с Энди: он лучше всего подойдет.

– Это, кажется, очень трудное дело, – заметил я.

– Ему конца и краю не будет, мистер Бальфур, – отвечал Стюарт.

– Ваш клерк, – продолжал я, – только что упомянул имя Хозизена. Вероятно, это тот Хозизен, которого я знаю, командир брига «Конвент». Неужели вы бы доверились ему?

– Он не особенно хорошо поступил с вами и Аланом, – отвечал мистер Стюарт, – но вообще-то я о нем скорее хорошего мнения. Если бы он по уговору принял Алана на борт своего корабля, то, я уверен, поступил бы с ним честно. Что вы скажете на это, Роб?

– Нет более честного шкипера, чем Эли, – отвечал клерк. – Я доверился бы слову Эли, если бы был вождем Аппина, – добавил он.

– Ведь это он привез тогда доктора, не правда ли? – спросил стряпчий.

– Он самый, – ответил клерк.

– И он же и отвез его? – продолжал Стюарт.

– Да, хотя у того кошелек был полон золота и Эли знал об этом! – воскликнул Робин.

– Да, должно быть, трудно составить верное мнение о людях с первого взгляда, – сказал я.

– Вот об этом-то я и забыл, когда вы вошли ко мне, мистер Бальфур, – отвечал стряпчий.

III. Я отправляюсь в Пильриг

Как только я проснулся на следующий день на моей новой квартире, я сейчас же встал и оделся в новое платье. Потом, проглотив завтрак, отправился продолжать свои похождения. Я мог надеяться, что дело Алана уладится. Дело Джемса было гораздо труднее, и я не мог не сознавать, что это предприятие может обойтись мне дорого, как говорили все, кому я открывал свой план. Казалось, что я достиг вершины горы лишь затем, чтобы броситься вниз; что я для того лишь перенес столько тяжелых испытаний, чтобы, достигнув богатства, признания, возможности носить городское платье и шпагу, покончить в конце концов самоубийством, и выбрав притом наихудший вид самоубийства – виселицу, по приказу короля.

«Зачем я это делаю?» – спрашивал я себя, идя по Гай-стриту по направлению к северу через Лейд-Винд.

Сперва я ответил себе, что хочу спасти Джемса Стюарта; правда, на меня сильно подействовало его отчаяние, слезы его жены и несколько слов, сказанных мною при этом случае. В то же время я подумал, что мне довольно безразлично – или должно быть безразлично, – умрет ли Джемс в постели или на эшафоте. Положим, он родственник Алана, но в интересах Алана лучше всего бы сидеть смирно и предоставить королю, герцогу Арджайльскому и воронам по-своему расправиться с Джемсом. Я не мог также забыть, что, когда мы были в беде, он не выказал особенной заботливости по отношению к Алану и ко мне.

Затем мне пришло в голову, что я действую во имя справедливости. «Это прекрасное слово», – подумал я и решил, что, так как, к нашей беде, у нас есть политика, самым важным делом должно быть оказание справедливости и что смерть одного невинного наносит ущерб всему государству.

Потом, в свою очередь, заговорила совесть: она пристыдила меня за то, что я вообразил, будто действую из каких-то высших побуждений, и доказала мне, что я только болтливый, тщеславный ребенок, наговоривший много громких слов Ранкэйлору и Стюарту и теперь из самолюбия желавший выполнить то, чем он похвастался. Совесть нанесла мне еще один удар, обвинив в известного рода трусости, в желании при помощи небольшого риска купить себе безопасность: пока я еще не заявил о себе и не оправдался, я, без сомнения, рисковал каждый день встретить Мунго Кемпбелла или помощника шерифа, которые могли бы узнать и задержать меня. Не было сомнения, что если я успешно сделаю свое заявление, то могу быть спокойнее в будущем. Но когда я здраво отнесся к этому аргументу, то не нашел в нем ничего постыдного. Что же касается остального, то я подумал: «Предо мною два пути, и оба они ведут к одному. Недопустимо, чтобы повесили Джемса, если в моих силах спасти его, и будет смешно, если я, наболтав так много, ничего не сделаю. Счастье Джемса, что я раньше времени похвастался, да и для меня это вышло недурно, потому что я обязан поступить по совести. У меня есть имя и средства джентльмена. Будет плохо, если откроется, что у меня нет благородства джентльмена».

Затем я подумал, что это не христианские мысли, прошептал молитву, испрашивая смелости, которой мне недоставало, решимости честно исполнить свой долг, как делает солдат в сражении... и остаться невредимым.

Эти размышления придали мне твердости, хотя я не закрывал глаза на грозившую мне опасность и на то, что если буду продолжать свое дело, то легко смогу очутиться на ступенях виселицы. Утро было ясное, хотя дул восточный ветер. Его свежее дыхание холодило мне кровь, напоминая об осени, о падающих листьях, о мертвецах, покоившихся в могилах. Мне казалось, что если я умру в этот счастливый период моей жизни, умру за чужое дело, то это будет происками дьявола. На вершине Кальтонского холма дети с криками пускали бумажных

змеев, которые ясно вырисовывались на фоне неба. Я заметил, что один, взлетев по ветру очень высоко, упал между кустами дрока. При виде этого я подумал: «Вот так будет и с тобой, Дэви!»

Мой путь лежал через Моутерский холм и вдоль поселка, расположенного на его склоне, среди полей. Во всех домах слышалось гудение ткацких станков; в садах жужжали пчелы; люди переговаривались между собой на незнакомом мне языке. Впоследствии я узнал, что деревня эта называется Пикарди и что в ней работают французские ткачи на льнопрядильное общество. Здесь мне дали новое указание относительно дороги в Пильриг – место моего назначения. Немного далее у дороги я увидел виселицу, на которой висели два закованных в цепи человека. Их, по обычаю, окунули в деготь, и теперь они болтались на ветру; цепи звенели, птицы кружились над несчастными висельниками и громко кричали. Обойдя виселицу, я натолкнулся на старуху, похожую на колдунью, которая сидела за одним из столбов. Она кивала головой, кланялась и разговаривала сама с собой.

– Кто это, матушка? – спросил я, указывая на оба трупа.

– Благослови тебя бог! – воскликнула она. – Это мои два любовника, мои два прежних любовника, голубчик мой.

– За что они повешены? – спросил я.

– За правое дело, – сказала она. – Часто я предсказывала им, чем все это кончится. За два шотландских шиллинга, ни на грош больше, оба молодца теперь висят здесь! Они забрали их у ребенка из Броутона.

– Ай, – сказал я скорей себе, чем сумасшедшей старухе, – неужели они наказаны за такой пустяк? Это действительно значит все потерять.

– Покажи свою ладонь, голубчик, – заговорила она, – и я узнаю твою судьбу.

– Нет, матушка, – отвечал я, – я и так достаточно далеко вижу свой путь. Неприятно видеть слишком далеко вперед.

– Я читаю твою судьбу на твоем лице, – сказала она. – Я вижу красивую девушку с блестящими глазами, маленького человека в коричневой одежде, высокого господина в напудренном парике и тень от виселицы на твоем пути. Покажи ладонь, голубчик, и старая Меррэн тебе хорошенько погадает.

Две случайные фразы, которые, казалось, намекали на Алана и на дочь Джемса Мора, так поразили меня, что я бросился бежать от колдуньи, кинув ей медяк, а она сидела и играла монетою в тени, отбрасываемой повешенными.

Если бы не эта встреча, дорога моя вдоль по Лейт-Уокскому шоссе была бы приятнее. Старинный вал пересекал поля, подобных которым по тщательности обработки я никогда не видел. Кроме того, мне нравилась такая деревенская глушь. Но мне все еще слышался звон кандалов на висельниках, мерещились гримасы и ужимки старой ведьмы, и как кошмар меня давила мысль о двух повешенных. Да, печальная судьба – попасть на виселицу!

Попал ли на нее человек за два шотландских шиллинга или, как говорил мистер Стюарт, из чувства долга – разница была невелика, если этот человек вымазан дегтем, закован и повешен! Может висеть и Давид Бальфур... Другие юноши пройдут мимо по своим делам и безразлично взглянут на него; сумасшедшие старухи будут сидеть у подножия виселицы и предсказывать им судьбу. Нарядно одетые, благородные девушки, пройдя мимо, отвернутся и заткнут себе носы. Я отчетливо представлял этих девушек: у них серые глаза и цвета Друммондов на головных уборах.

Хотя я сильно упал духом, но настроение у меня было все-таки решительное, когда я подошел к Пильригу и увидел красивый дом с остроконечной крышей, расположенный на дороге между группами молодых деревьев. У входа стояла оседланная лошадь лэрда, а он сам находился в кабинете среди ученых сочинений и музыкальных инструментов, так как был не только глубоким философом, но и хорошим музыкантом. Он довольно приветливо принял меня и, прочитав письмо Ранкэйлора, любезно предложил мне свои услуги:

– Чем я могу быть вам полезен, кузен Давид, так как, оказывается, мы кузены. Написать записку к Престонгрэнджу? Это очень легко сделать. Но что написать в этой записке?

– Мистер Бальфур, – сказал я, – я уверен, да и мистер Ранкэйлор тоже, что, если бы я рассказал вам мою историю во всех подробностях, она бы вам не очень понравилась.

– Очень жаль слышать это от вас, милый родственник, – ответил он.

– Я не принимаю вашего сожаления, мистер Бальфур, – сказал я, – мне нельзя поставить в вину ничего, кроме обыкновенных человеческих слабостей. Первородный Адамов грех, отсутствие прирожденной праведности и греховность всей моей природы – вот за что я должен отвечать. Меня научили также, куда обращаться за помощью, – добавил я, заключив по внешнему виду мистера Бальфура, что он будет обо мне лучшего мнения, когда увидит, что я тверд в катехизисе. – Что же касается светской чести, то ни в чем важном не могу упрек-путь себя. Все мои затруднения произошли не по моей воле и, насколько могу судить, не по моей вине. Затруднение мое в том, что я оказался замешанным в политическое недоразумение, о котором, как мне сказали, вы будете очень рады избегнуть упоминания.

– Прекрасно, мистер Давид, – отвечал он, – я рад, что вы таковы, каким вас рекомендует Ранкэйлор. Что же касается ваших политических недоразумений, то вы совершенно правы: я стараюсь быть выше подозрений и, во всяком случае, избегать всего, что могло бы вызвать их. Вопрос в том, – продолжал он, – как я, не зная дела, могу помочь вам?

– Сэр, – сказал я, – я предлагаю вам написать лорду, что я молодой человек из довольно хорошей семьи и со средствами, – все это, как мне кажется, совершенная правда.

– Ранкэйлор ручается за это, – отвечал мистер Бальфур, – и я верю его свидетельству.

– К этому вы можете прибавить, если вам достаточно моего слова, что я хороший сын англиканской церкви, верный королю Георгу и воспитан в этих понятиях, – продолжал я.

– Ни то, ни другое не повредит вам, – сказал мистер Бальфур.

– Затем вы можете написать, что я явился к лорду по очень важному делу, связанному со службой его величеству и отправлением правосудия, – подсказал я.

– Так как я не знаю, в чем дело, то не могу судить о его значении. Очень важное поэтому выпускается. Остальное я могу выразить приблизительно так, как вы предлагаете.

– А затем, сэр, – сказал я, потерев себе подбородок большим пальцем, – затем, сэр, мне бы очень хотелось, чтобы вы ввернули словечко, которое, может быть, могло бы защитить меня.

– Защитить? – спросил он. – Вас? Эта фраза немного смущает меня. Если дело настолько опасно, то, признаюсь, я не особенно расположен вмешиваться в него с закрытыми глазами.

– Мне кажется, я могу в двух словах объяснить, в чем дело, – сказал я.

– Это, пожалуй, было бы самое лучшее, – ответил он.

– Речь идет об аппинском убийстве, – продолжал я. Он поднял обе руки.

– Боже, боже! – воскликнул он.

По выражению его лица и голоса я понял, что лишился покровительства.

– Позвольте объяснить вам... – начал я.

– Покорно благодарю, я больше не желаю слышать об этом. Я совершенно отказываюсь слушать... Ради вашего имени и Ранкэйлора, а может быть, немного и для вас самих я сделаю, что могу, чтобы помочь вам, но о фактах я более не хочу слышать. Кроме того, я считаю своей обязанностью предостеречь вас. Это опасное дело, мистер Давид, а вы еще молоды. Будьте осторожны и обдумайте свое решение.

– Поверьте, что я уже не раз обдумал его, мистер Бальфур, – сказал я. – Обращаю снова ваше внимание на письмо Ранкэйлора, где, надеюсь, он выразил свое одобрение по поводу моего намерения.

– Хорошо, хорошо, – сказал он, – я сделаю для вас, что могу. – С этими словами он взял перо и бумагу, посидел некоторое время размышляя, а затем стал писать, взвешивая каждое слово. – Правильно ли я понял, что Ранкэйлор одобряет ваше намерение? – спросил Бальфур.

– После небольшого колебания он сказал, чтобы я с божьей помощью шел вперед, – сказал я.

– Действительно, тут нужна божья помощь, – заметил мистер Бальфур, заканчивая письмо. Он подписал его, перечел и снова обратился ко мне: – Вот вам, мистер Давид, рекомендательное письмо. Я поставлю на нем печать, не заклеив его, и отдам вам открытым, как того требует форма. Но так как я действую впопыхах, то снова прочту его вам, чтобы вы видели, то ли это, что вам нужно.

Пильриг, 26 августа 1751 г.

Милорд!

Позволю себе обратить ваше внимание на моего однофамильца и родственника Давида Бальфура из Шооса, эсквайра, молодого джентльмена незапятнанного происхождения и с хорошим состоянием. Он, кроме того, воспитан в религиозных принципах, а политические его убеждения не оставляют желать ничего лучшего. Мистер Бальфур не рассказывал мне своего дела, но я понял, что он хочет объявить вам нечто касательно слушаний его величеству и отправления правосудия – дела, в которых ваше усердие известно. Мне остается прибавить, что намерение молодого джентльмена известно и одобрено несколькими его друзьями, которые будут с волнением следить за исходом дела, успешным или неудачным.

– После чего, – продолжал мистер Бальфур, – я подписался с обычными выражениями почтения. Обратили вы внимание на то, что я написал «несколько ваших друзей»? Надеюсь, что вы можете подтвердить это множественное число.

– Разумеется, сэр. Мое намерение известно и одобрено не одним только человеком, – сказал я. – Что же касается вашего письма, за которое я осмеливаюсь поблагодарить вас, то в нем есть все, на что я только мог надеяться.

– Это все, что я мог написать, – ответил он, – и, зная, в какое дело вы намерены вмешаться, мне остается только молить бога, чтобы этого оказалось достаточно.

IV. Лорд-адвокат Престонгрэндж

Мой родственник оставил меня обедать. «Ради чести дома», – говорил он. Поэтому я еще более торопился на обратном пути. Я не мог думать ни о чем другом, кроме того, чтобы поскорее совершить следующий шаг и отдать себя в руки закона. Для человека в моем положении возможность положить конец нерешительности и искушению была чрезвычайно соблазнительна. Тем более велико было мое разочарование, когда, придя к Престонгрэнджу, я услышал, что его нет дома. Я думаю, что в ту минуту и потом, в течение нескольких часов, это действительно так и было. Но несомненно и то, что, когда адвокат вернулся и весело проводил время в соседней комнате со своими друзьями, о моем присутствии совершенно забыли. Я давно бы ушел, если бы не сильное желание поскорее объясниться и иметь возможность лечь спать со спокойной совестью. Сначала я занялся чтением, так как в маленьком кабинете, где меня оставили, было множество книг. Но читал я очень невнимательно. День становился облачным, сумерки наступили раньше обычного, а кабинет освещался только маленьким окошечком, и я под конец должен был отказаться и от этого развлечения, проведя остаток времени в томительном бездействии. Разговоры в ближайшей комнате, приятные звуки клавикордов и женское пение отчасти заменяли мне общество.

Не знаю, который это был час, но уже стемнело, когда отворилась дверь кабинета и я увидел на пороге высокого человека. Я тотчас же встал.

– Здесь кто-нибудь есть? – спросил он. – Кто вы?

– Я пришел с письмом от лорда Пильрига к лорду-адвокату, – сказал я.

– Давно вы здесь? – спросил он.

– Не решаюсь определить, сколько часов, – отвечал я.

– В первый раз слышу об этом, – продолжал он, пожимая плечами. – Прислуга, верно, забыла о вас. Но вы наконец дождались, я – Престонгрэндж.

С этими словами он вышел в соседнюю комнату. И я по его знаку последовал за ним. Он зажег свечу и сел у письменного стола. Комната была большая, продолговатая, вся уставленная книгами вдоль стен. При слабом пламени свечи ясно выделялась красивая фигура и мужественное лицо адвоката. Однако лицо его было красным, а глаза влажными и блестящими. Он слегка пошатывался, прежде чем сел. Без сомнения, он хорошо поужинал, хотя вполне владел своими мыслями и словами.

– Ну, сэр, садитесь, – сказал он, – и покажите мне письмо Пильрига.

Он небрежно посмотрел начало, поднял глаза и поклонился, когда дошел до моего имени. При последних словах внимание его, однако, удвоилось, и я уверен, что он перечел их дважды. Можете себе представить, как билось мое сердце: ведь теперь Рубикон был перейден и я находился на поле сражения.

– Очень рад познакомиться с вами, мистер Бальфур, – сказал он, окончив чтение. – Позвольте предложить вам стаканчик кларета.

– Осмелюсь заметить, милорд, что вряд ли это будет хорошо для меня, – заметил я. – Как видите из письма, я пришел по довольно важному делу, а я не привык к вину, и оно может дурно повлиять на меня.

– Вам лучше знать, – сказал он. – Но если позволите, я сам не прочь выпить бутылочку.

Он позвонил, и, как по сигналу, явился лакей с вином и стаканами.

– Вы решительно не хотите составить мне компанию? – спросил адвокат. – В таком случае пью за наше знакомство! Чем могу служить вам?

– Мне, может быть, следует начать с того, милорд, что я пришел сюда по вашему собственному настоятельному приглашению, – сказал я.

– У вас есть передо мной некоторое преимущество, – отвечал он, – должен сознаться, что до этого вечера я не слышал о вас.

– Совершенно верно, милорд. Мое имя вам действительно незнакомо, – сказал я. – А между тем вы уже довольно давно желаете познакомиться со мной и даже заявили об этом публично.

– Мне бы хотелось получить от вас некоторое разъяснение, – возразил он.

– Не послужит ли вам некоторым разъяснением, – сказал я, – то, что если бы я желал шутить – а я вовсе не расположен это делать, – я, кажется, имел бы право требовать от вас двести фунтов.

– В каком это смысле? – спросил он.

– В смысле награды, объявленной за мою поимку, – ответил я.

Он сразу поставил стакан и выпрямился на стуле, на котором сидел развалившись.

– Как мне понимать это? – спросил он.

– «Высокий, здоровый, безбородый юноша, лет восемнадцати, – процитировал я, – с лоулэндским произношением».

– Я узнаю эти слова, – сказал он. – И если вы явились сюда с неуместным намерением позабавиться, то они могут оказаться гибельными для вас.

– У меня совершенно серьезное намерение, – отвечал я, – и вы отлично меня поняли. Я – молодой человек, который разговаривал с Гленуром перед тем, как тот был убит.

– Могу только предположить, видя вас здесь, что вы хотите убедить нас в своей невиновности, – сказал он.

– Вы сделали совершенно правильное заключение, – согласился я. – Я верный подданный короля Георга, иначе не пришел бы сюда, в логово льва.

– Очень этому рад, – заметил он. – Это такое ужасное преступление, мистер Бальфур, что нельзя допустить и мысли о возможности снисхождения. Кровь была пролита варварским образом и людьми, о которых всем известно, что они враждебно настроены против его величества и наших законов. Я придаю этому очень большое значение и настаиваю на том, что преступление направлено лично против его величества.

– К сожалению, милорд, – несколько сухо прибавил я, – считается, что оно направлено лично против еще одного важного лица, которое я не хочу называть.

– Если вы этими словами желаете на что-нибудь намекнуть, то должен заметить, что считаю их неуместными в устах верного подданного. И если бы они были произнесены публично, я счел бы своим долгом обратить на них внимание, – сказал он. – Мне кажется, что вы не осознаете опасности своего положения, иначе были бы осторожнее и не усугубляли бы ее, бросая тень на правосудие. В нашей стране и в моих скромных возможностях правосудие нелицеприятно.

– Вы слишком многое приписываете мне, милорд, – сказал я. – Я только повторяю общую молву, которую слышал везде по пути от людей самых различных убеждений.

– Когда вы станете благоразумнее, то поймете, что не следует всякому слуху верить, а тем более его повторять, – сказал адвокат. – Я верю, что у вас не было дурного намерения. Положение почитаемого всеми нами вельможи, который действительно был задет этим варварским убийством, слишком высоко, чтобы его могла достигнуть клевета. Герцог Арджайльский – вы видите, я с вами откровенен, – смотрит на это дело так же, как я: мы оба должны смотреть на него с точки зрения наших судейских обязанностей и службы его величеству. Я бы желал, чтобы в наше печальное время все были бы так же свободны от чувства семейной вражды, как он. Но случилось, что жертвой своего долга пал Кемпбелл. Кто, как не Кемпбеллы, всегда был впереди других на пути долга? Я не Кемпбелл и потому могу смело сказать это. К тому же оказывается, к нашему общему благополучию, что глава этого знатного дома в настоящее время председатель судебной палаты. И вот на всех постоянных дворах по всей стране дали волю своим языкам люди с ограниченным умом, а молодые джентльмены вроде мистера Бальфура

необдуманно повторяют эти толки. – Всю свою речь он произнес, пользуясь известными ораторскими приемами, точно выступал на суде. Затем, обращаясь ко мне снова как джентльмен, он сказал: – Но это все не относится к делу. Остается только узнать, как мне быть с вами?

– Я думал, что скорее я узнаю от вас это, милорд, – отвечал я.

– Верно, – сказал адвокат. – Но, видите ли, вы пришли ко мне с хорошей рекомендацией. Это письмо подписано известным честным вигским именем, – продолжал он, на минуту взяв его со стола. – И, помимо судебного порядка, мистер Бальфур, всегда есть возможность прийти к соглашению. Я заранее говорю вам: будьте осторожнее, так как ваша судьба зависит лишь от меня. В этом деле – осмеливаюсь почтительно заметить – я имею больше власти, чем сам король. И если вы понравитесь мне и удовлетворите мою совесть вашим последующим поведением, обещаю вам, что сегодняшнее свидание останется между нами.

– Что вы хотите этим сказать? – спросил я.

– Я хочу сказать, мистер Бальфур, – отвечал он, – что если ваши ответы удовлетворят меня, то ни одна душа не узнает, что вы здесь были. Заметьте, я даже не зову своего клерка.

Я увидел, к чему он клонит.

– Я думаю, что нет надобности объявлять кому-либо о моем посещении, – сказал я, – хотя не вижу, чем это может быть особенно выгодно для меня. Я не стыжусь, что пришел сюда.

– И не имеете ни малейшей причины стыдиться, – отвечал он одобрительно, – так же как и бояться последствий, если будете осмотрительны.

– С вашего позволения, милорд, – возразил я, – меня нелегко запугать.

– Уверяю вас, что вовсе не хочу вас запугивать, – продолжал он. – Но займемся допросом. Предостерегаю вас: не говорите ничего, не относящегося к моим вопросам. От этого в значительной степени будет зависеть ваша безопасность. Есть границы и моей власти.

– Постараюсь последовать вашему совету, милорд, – сказал я.

Он положил на стол лист бумаги и написал заголовок.

– Из ваших слов явствует, что вы были в Леттерморском лесу в момент рокового выстрела, – начал он. – Было это случайностью?

– Да, случайностью, – сказал я.

– Каким образом вы вступили в разговор с Колином Кемпбеллом? – спросил он.

– Я спросил у него дорогу в Аухари, – ответил я. Я заметил, что он не записывает моего ответа.

– Гм... – сказал он, – я об этом совершенно забыл. Знаете ли, мистер Бальфур, я на вашем месте как можно менее останавливался бы на ваших сношениях с этими Стюартами. Это только усложняет дело. Я пока не расположен считать эти подробности необходимыми.

– Я думал, милорд, что в подобном случае все факты одинаково существенны, – возразил я.

– Вы забываете, что мы теперь судим этих Стюартов, – многозначительно ответил он. – Если нам придется когда-нибудь судить вас, то будет совсем другое дело: я тогда буду настаивать на вопросах, которые теперь согласен обойти. Однако покончим: в предварительном показании мистера Мунго Кемпбелла сказано, что вы немедленно после выстрела побежали наверх по склону. Как это случилось?

– Я побежал не немедленно, милорд, и побежал потому, что увидел убийцу.

– Значит, вы увидели его?

– Так же ясно, как вас, милорд, хотя и не так близко.

– Вы знали его?

– Я бы его узнал.

– Ваше преследование, значит, было безуспешно, и вы не могли догнать убийцу?

– Не мог.

– Он был один?

– Один.

– Никого более не было по соседству?

– Неподалеку в лесу был Алан Брек Стюарт.

Адвокат положил перо.

– Мы, кажется, играем в загадки, – сказал он. – Боюсь, что это окажется для вас плохой забавой.

– Я только следую вашему указанию, милорд, и отвечаю на ваши вопросы, – отвечал я.

– Постарайтесь одуматься вовремя, – сказал он. – Я отношусь к вам с самой нежной заботой, но вы, кажется, нисколько этого не цените. И если не будете осторожнее, все может оказаться бесполезным.

– Я очень ценю ваши заботы, но думаю, что вы не понимаете меня, – отвечал я немного дрожащим голосом, так как увидел, что он наконец прижал меня к стене. – Я пришел сюда, чтобы дать показания, которые могли бы вас убедить, что Алан не принимал никакого участия в убийстве Гленура.

Адвокат с минуту казался в затруднении; он сидел со сжатыми губами и бросал на меня взгляды разъяренной кошки.

– Мистер Бальфур, – сказал он наконец, – я говорю вам ясно, что вы идете дурным путем и от этого могут пострадать ваши интересы.

– Милорд, – отвечал я, – я в этом деле так же мало принимаю в соображение свои собственные интересы, как и вы. Видит бог, у меня только одна цель: я хочу, чтобы восторжествовала справедливость и были оправданы невинные. Если, преследуя эту цель, я вызываю ваше неудовольствие, милорд, то мне придется примириться с этим.

При этих словах он встал со стула, зажег вторую свечу и некоторое время пристально глядел мне в глаза. Я с удивлением заметил, что лицо его изменилось, стало чрезвычайно серьезным и, как мне показалось, почти бледным.

– Вы или очень наивны, или, наоборот, чрезвычайно хитры, и я вижу, что должен обращаться с вами более доверительно, – сказал он. – Это дело политическое, да, мистер Бальфур, приятно нам это или нет, но дело это политическое, и я дрожу при мысли о том, какие последствия оно может вызвать. К политическому делу – мне вряд ли есть надобность говорить это молодому человеку с вашим образованием – мы должны относиться совсем иначе, чем просто к уголовному. *Salus populi suprema lex*² – принцип, допускающий большие злоупотребления, но он силен той силой необходимости, которую мы находим в законах природы. Если позволите, мистер Бальфур, я объясню вам это подробнее. Вы хотите уверить меня...

– Прошу прощения, милорд, но я хочу уверить вас только в том, что могу доказать, – сказал я.

– Тише, тише, молодой человек, – заметил он, – не придирайтесь к словам и позвольте человеку, который мог бы быть вашим отцом, употреблять свои собственные несовершенные выражения и высказать собственные скромные суждения, даже если они, к несчастью, не совпадают с суждениями мистера Бальфура. Вы хотите уверить меня, что Брек невиновен. Я придал бы этому мало значения, тем более что мы не можем поймать его. Но дело не только в этом. Допустить, что Брек невиновен – значит отказаться от обвинения другого, совершенно иного преступника, дважды поднимавшего оружие против короля и дважды прощенного, сеятеля недовольства и бесспорно – кто бы ни произвел выстрел – инициатора этого дела. Мне нет надобности объяснять вам, что я говорю о Джемсе Стюарте.

– На что я вам так же чистосердечно отвечаю, что о невинности Алана и Джемса я именно и пришел объявить вам честным образом, милорд, и готов засвидетельствовать это в суде, – сказал я.

---

² Спасение народа – наивысший закон (лат.)

– На что я вам так же чистосердечно отвечу, мистер Бальфур, – возразил он, – что в данном случае я не требую вашего свидетельства и желаю, чтобы вы вовсе воздержались от него.

– Вы находитесь во главе правосудия в этой стране, – воскликнул я, – и предлагаете мне совершить преступление!

– Я всей душой забочусь об интересах Шотландии, – отвечал он, – и внушаю вам то, чего требует политическая необходимость. Патриотизм не всегда бывает нравственным в точном смысле этого слова. Мне кажется, что вы должны быть этому рады: в этом ваша защита. Факты против вас. И если я все еще стараюсь помочь вам выйти из очень опасного положения, то делаю это отчасти потому, что ценю вашу честность, которая привела вас сюда, отчасти из-за письма Пильрига, но главным образом потому, что в этом деле я на первое место ставлю свой политический долг, а судейский долг – на второе. По тем же самым причинам, откровенно повторяю вам, я не желаю выслушивать ваше свидетельство.

– Я желал бы, чтобы вы не приняли моих слов за возражение. Я только хочу верно определить наше взаимное положение, – сказал я. – Если вам, милорд, не нужно мое свидетельство, то противная сторона, вероятно, будет очень рада ему.

Престонгрэндж встал и начал ходить взад и вперед по комнате.

– Вы не так юны, – заметил он, – чтобы не помнить ясно сорок пятый год и смуту, охватившую всю страну. Пильриг пишет, что вы преданы церкви и правительству. Но кто же спас их в тот роковой год? Я не говорю о королевском высочестве и его войске, которое в свое время принесло большую пользу. Однако страна была спасена, и сражение выиграно еще прежде, чем Кумберленд наступил на Друммоси. Кто же спас ее? Повторяю: кто спас протестантскую веру и весь наш государственный строй? Во-первых, покойный лорд-президент Каллоден: он много сделал и мало получил за это благодарности. Так и я отдаю все свои силы той же службе и не жду другой награды, кроме сознания исполненного долга. А кроме него, кто же еще? Вы сами знаете это не хуже меня. О нем много злословят, и вы сами намекнули на это, когда вошли сюда, и я остановил вас. То был герцог великого клана Кемпбеллов. И вот теперь Кемпбелл во время отправления своих служебных обязанностей подло убит. И герцог и я – мы оба гайлэндеры. Но мы цивилизованные гайлэндеры, а громадное большинство наших кланов и семейств не цивилизованы. Они отличаются добродетелями и недостатками диких народов. Они еще варвары, как и Стюарты. Только варвары Кемпбеллы стоят за законную страну, а варвары Стюарты – за незаконную. Теперь судите сами. Кемпбеллы ожидают мщения. Если они не получают его – если Джемс избежит смерти, – среди Кемпбеллов будет волнение. А это значит, будут волнения во всем Гайлэнде, который и так не спокоен и далеко не разоружен. Разоружение – одна лишь комедия.

– В этом я могу поддержать вас, – сказал я.

– Волнения в Гайлэнде на руку нашему старинному бдительному врагу, – продолжал лорд, вытягивая палец и продолжая шагать. – И я даю вам слово, сорок пятый год может вернуться, с той разницей, что Кемпбеллы будут на противной стороне. Неужели для того, чтобы спасти этого Стюарта, который уже без того несколько раз осужден, если не за это, то за разные другие дела, вы предлагаете вовлечь нашу родину в междоусобную войну, подвергнуть опасности веру своих отцов, рисковать жизнью и имуществом многих тысяч совершенно невинных людей? Эти соображения перевешивают в моем мнении и, надеюсь, перевесят и в вашем, мистер Бальфур, если вы любите свою родину, правительство и религиозную истину.

– Вы говорите со мной откровенно, и я вам за это благодарен, – сказал я. – Я, со своей стороны, постараюсь поступить так же честно. Я верю, что ваша политика совершенно правильна. Я верю, что на вас лежат такого рода тяжелые обязанности. Я верю, что вы приняли на себя эти обязанности, когда вступали на высокий пост, занимаемый вами. Но я простой человек, почти мальчик, и с меня достаточно простых обязанностей. Я могу думать только о

двух вещах: о несчастном, несправедливо осужденном на немедленную и позорную смерть, и о слезах его жены, которые не выходят у меня из головы. Я не могу не обращать на это внимание. Таков уж мой характер. Если стране суждено погибнуть, пускай она гибнет. Если я ослеплен, то молю бога, чтобы он просветил меня, пока еще не слишком поздно.

Слушая меня, он стоял неподвижно и, когда я кончил, еще некоторое время оставался в прежнем положении.

– Это непредвиденное препятствие, – произнес он громко, разговаривая сам с собой.

– Как вы намерены распорядиться относительно меня, милорд? – спросил я.

– Знаете ли вы, – сказал он, – что вы могли бы ночевать в тюрьме, если бы я захотел?

– Я ночевал в худших местах, милорд, – отвечал я.

– Вот что, мой милый, – сказал он, – из нашего разговора мне ясно, что я могу положиться на ваше честное слово. Обещайте мне, что сохраните в тайне не только то, что произошло между нами сегодня, но и все, что знаете об аппинском деле, и я отпущу вас.

– Я могу обещать хранить это до завтра или до любого ближайшего дня, назначенного вами, – возразил я. – Я не хочу, чтобы вы думали обо мне слишком дурно. Но если бы я дал слово без ограничения, то вы, милорд, достигли бы своей цели.

– Я не хотел поймать вас, – заметил он.

– Я в этом уверен, – сказал я.

– Подождите, – продолжал он, – завтра воскресенье. Приходите в понедельник, в восемь часов утра, а до тех пор обещайте молчать.

– Охотно обещаю, милорд, – сказал я. – Что же касается ваших слов, то даю слово молчать до конца моих дней.

– Заметьте, – прибавил он, – что я не прибегаю к угрозам.

– Это вполне согласуется с вашим благородством, милорд, – сказал я. – Но я не настолько туп, чтобы не почувствовать их, хотя они и не были произнесены.

– Ну, – заметил он, – спокойной ночи. Желаю вам хорошо спать. Я же на это не рассчитываю.

Он вздохнул, взял свечу и проводил меня до выхода.

V. В доме адвоката

На следующий день, в воскресенье 27 августа, я имел возможность слышать несколько известных эдинбургских проповедников, о которых мне рассказывал когда-то раньше мистер Кемпбелл. Увы, я с таким же успехом мог бы находиться в Иссендине и слушать самого мистера Кемпбелла! Сумятица в моих мыслях, которые постоянно возвращались к свиданию с Престонгрэнджем, мешала мне быть внимательным. На меня гораздо меньшее впечатление произвели рассуждения духовных лиц, чем вид громадного собрания народа в церкви, похожего, как я думал, на толпу в театре или – при моем тогдашнем расположении духа – в залах суда. Такое впечатление на меня произвела в особенности Весткирка с ее тремя ярусами галерей, куда я пришел в напрасной надежде увидеть мисс Друммонд.

В понедельник я в первый раз в жизни пошел к цирюльнику и остался очень доволен результатами его работы. Отправившись оттуда к адвокату, я у дверей его дома снова увидел красные мундиры солдат, выделявшиеся ярким пятном в переулке. Я посмотрел вокруг, желая найти молодую леди и ее спутников, но нигде не было видно их следа. Зато как только меня ввели в комнату, где я провел такие томительные часы в субботу, я в углу заметил высокую фигуру Джемса Мора. Он, казалось, находился в мучительном беспокойстве, все время двигал руками и ногами, а глаза его тревожно бегали по стенам маленькой комнаты. Я с жалостью вспомнил о его отчаянном положении. То ли поэтому, то ли потому, что я все еще интересовался его дочерью, я заговорил с ним.

– Доброе утро, сэр, – сказал я.

– Желаю вам того же, сэр, – отвечал он.

– Вы ожидаете свидания с Престонгрэнджем? – спросил я.

– Да, сэр, и молю бога, чтобы ваше дело к этому джентльмену было приятнее моего, – отвечал он.

– Надеюсь, по крайней мере, что вас ненадолго задержат, так как, вероятно, вас примут прежде меня, – сказал я.

– Всех принимают прежде меня, – возразил он, пожимая плечами и поднимая руки. – Прежде было иначе, сэр, но времена меняются. Не так было, когда и шпага что-нибудь значила, молодой джентльмен, и когда было достаточно называться солдатом, чтобы обеспечить себе пропитание.

Он произнес эту тираду немного в нос, с той гайлэндской манерой, которая выводила меня из себя.

– Ну, мистер Мак-Грегор, – сказал я, – мне кажется, что главное достоинство солдата – молчание, а первая добродетель его – покорность судьбе.

– Я вижу, что вы знаете мое имя... – и, скрестив руки, он поклонился мне, – хотя сам я не смею его произносить. Оно слишком хорошо известно, враги слишком часто видели мое лицо и слышали мое имя. Поэтому я не должен удивляться, если и то и другое известно людям, которых я не знаю.

– Которых вы совсем не знаете, сэр, – заметил я, – так же как не знают и другие. Но если вы желаете знать, то мое имя Бальфур.

– Это прекрасное имя, – вежливо ответил он, – его носят порядочные люди. Я припоминаю теперь, что один молодой джентльмен, носивший то же имя, в сорок пятом году был врачом в моем батальоне.

– Это, вероятно, был брат Бальфура из Бэса, – отвечал я, так как теперь был уже подготовлен к вопросу о враче.

– Он самый, сэр, – сказал Джемс Мор, – а так как ваш родственник был мне товарищем по оружию, то позвольте пожать мне вашу руку.

Он долго и нежно жал мне руку, все время радостно глядя на меня, точно отыскал родного брата.

– Да, – сказал он, – времена переменялись с тех пор, как вокруг меня и вашего родственника свистели пули.

– Он приходился мне очень дальним родственником, – сухо отвечал я, – и должен признаться, что я никогда не видел его.

– Все равно, – заметил он, – я в этом не вижу разницы. А вы сами, я думаю, тогда не были в деле; я что-то не могу припомнить ваше лицо, которое забыть довольно трудно.

– В тот год, о котором вы упоминаете, мистер Мак-Грегор, я поступил в приходскую школу, – ответил я.

– Вы так еще молоды! – воскликнул он. – О, тогда вы никогда не поймете, что значит для меня эта встреча. Встретиться в минуту несчастья здесь, в доме моего врага, с родственником товарища по оружию – это придает мне бодрости, мистер Бальфур, так же как звук гайлэндских флейт! Да, сэр, многим из нас приходится с грустью, а некоторым и со слезами вспоминать прошлое. В своей стране я жил как король: с меня было достаточно моего палаша, моих гор и верности моих земляков и друзей. Теперь меня содержат в вонючей тюрьме. И знаете ли, мистер Бальфур, – продолжал он, взяв меня за руку и расхаживая со мною по комнате, – знаете ли, сэр, что я не имею самого необходимого! Злоба моих врагов лишила меня средств. Как вам известно, сэр, я заключен по ложному обвинению в преступлении, в котором так же невинен, как и вы. Меня не осмеливаются судить, а пока держат голого и босого в тюрьме. Желал бы я встретить вашего родственника или его брата из Бэса! И тот и другой были бы рады помочь мне. Тогда как вы сравнительно чужой...

Мне совестно рассказывать все, что он наговорил мне, как он кланчил и жаловался, а также то, как я отрывисто и сердито ему отвечал. Иногда мне хотелось заткнуть ему рот какой-нибудь мелочью. Но это было свыше моих сил, из чувства ли стыда и самолюбия, из-за себя ли самого или Катрионы, оттого ли, что я считал такого отца недостойным его дочери, или потому, что меня сердила лживость этого человека, не знаю. Он продолжал льстить мне и восхвалять меня, расхаживая со мной по этой маленькой комнате, всего в три шага длины. Я несколькими краткими ответами успел уже значительно рассердить, хотя не совсем еще лишить надежды этого попрошайку, когда Престонгрэндж появился в дверях и любезно пригласил меня в большую комнату.

– Я буду некоторое время занят, – сказал он, – а чтобы вы не сидели без дела, я хочу представить вас моим трем прекрасным дочерям, о которых вы, может быть, слышали, так как они, пожалуй, более известны, чем их отец.

Он провел меня в длинную комнату, помещавшуюся этажом выше, где за пальцами с вышиванием сидела худощавая старая леди, а у окна стояли три самые красивые девушки в Шотландии, так мне, по крайней мере, показалось.

– Это мой новый друг, мистер Бальфур, – сказал адвокат, взяв меня под руку. – Давид, это моя сестра, мисс Грант, которая так добра, что заведует моим хозяйством, и будет очень рада, если чем-нибудь сможет помочь вам. А вот, – прибавил он, – обращаясь к молодым девушкам, – вот мои три прекрасные дочер-и. Как вы находите, мистер Давид, которая лучше всех? Держу пари, что он никогда не дерзнет ответить, как честный Алан Рамсэй!

Все трое, а также старая мисс Грант громко возмутились против этой выходки, которая и у меня – я знал стихи, на которые он ссылался, – вызвала румянец стыда. Мне казалось, что отцу непростительно цитировать подобные вещи, и я был очень поражен, что молодые леди, порицая его или делая вид, что порицают, в то же время смеялись.

Они все еще смеялись, когда Престонгрэндж вышел из комнаты и оставил меня, как рыбу на песке, в этом совсем неподходящем для меня обществе. Оглядываясь теперь назад, на то, что последовало, я не могу отрицать, что был поразительно бесчувствен и что леди, должно

быть, были очень хорошо воспитаны, если терпели меня так долго. Тетка, положим, сидела за своим вышиванием и только иногда поднимала голову и улыбалась, но барышни, в особенности старшая, притом и самая красивая, оказывали мне большое внимание, за что я совсем не умел отплатить им. Я напрасно убеждал самого себя, что у меня есть некоторые достоинства и хорошее поместье, что мне нет причины чувствовать себя смущенным в обществе молодых девушек, из которых старшая немногим превосходила меня годами и ни одна, вероятно, не была наполовину так образованна, как я. Но рассуждения не меняли дела, и по временам я краснел при мысли, что в этот день брился в первый раз.

Так как разговор, несмотря на их старания, шел очень вяло, то старшая сжалась над моей неловкостью, села за клавикорды, на которых играла мастерски, и некоторое время занимала меня игрой и пением шотландских и итальянских мелодий. Это придало мне немного развязности, и, припомнив мотив, которому Алан научил меня в пещере близ Карридена, я решился даже просвистеть один или два такта и спросить, знает ли она его.

Она покачала головой.

– Никогда не слыхала, – отвечала она. – Просвистите-ка его до конца... Повторите еще раз, – прибавила она, когда я просвистел.

Она подобрала мотив на клавикордах; сейчас же, к моему удивлению, украсила его звучным аккомпанементом и, играя, стала петь с очень комичным выражением и настоящим шотландским акцентом:

Разве я неверно подобрала вам мотив,
Не та ли это песня, что вы просвистели?

Видите ли, – прибавила она, – я умею сочинять и слова, только они у меня не рифмуются. – Потом продолжала:

Я мисс Грант, адвоката дочь.

Вы, кажется, Давид Бальфур?

Я сказал ей, что поражен ее талантом.

– Как называется ваша песня? – спросила она.

– Я не знаю ее настоящего названия, – отвечал я, – и называю ее «Песнью Алана».

Она взглянула мне прямо в лицо.

– Я буду называть ее «Песнью Давида», – сказала она. – Впрочем, если песни, которые ваш израильский тезка играл Саулу, хоть немного походили на эту, то меня нисколько не удивляет, что царь не сделался добрее: уж очень это меланхолическая музыка. Ваше название песни мне не нравится. Если вы когда-нибудь захотите услышать ее снова, то спрашивайте ее под моим названием.

Она это произнесла так выразительно, что у меня забилося сердце.

– Почему, мисс Грант? – спросил я.

– Потому, – отвечала она, – что если когда-нибудь вас повесят, я переложу на музыку ваши последние слова и вашу исповедь и буду их петь.

Я не мог больше сомневаться, что она отчасти знакома с моей историей и грозившей мне опасностью. Но каким образом и что ей известно, было трудно угадать. Она, очевидно, знала, что в имени Алана было что-то опасное, и предостерегала меня не упоминать о нем; очевидно, знала также, что на мне тяготеет подозрение в преступлении. Я понял, кроме того, что последними резкими словами, за которыми последовала чрезвычайно шумная пьеса, она хотела положить конец нашему разговору. Я стоял рядом с ней, притворяясь, что слушаю ее и восхищаюсь ее музыкой, но на самом деле унесся далеко в вихре собственных мыслей. Я находил, что эта молодая леди очень любит таинственное; при первом же свидании я натолкнулся на тайну, которая была выше моего понимания. Значительно позже я узнал, что воскресенье

не пропало даром, что молодые леди разыскали и допросили рассыльного из банка, открыли мое посещение Чарльза Стюарта и вывели заключение, что я замешан в деле Джемса и Алана и, весьма вероятно, поддерживаю с последними постоянные сношения. Оттого мне и был сделан этот ясный намек за клавирами.

Не успела она доиграть свою пьесу, как одна из младших барышень, стоявшая у окна, выходящего в переулок, закричала сестрам, чтобы они шли скорее, так как опять пришла «Сероглазка». Все сейчас же бросились к окну и столпились там, чтобы что-нибудь увидеть. Окно, к которому они подбежали, было расположено в углу комнаты над входной дверью и боком выходило в переулок.

– Идите сюда, мистер Бальфур, – закричали девушки, – посмотрите, какая красавица! Она все эти дни приходит сюда с какими-то оборванцами, а между тем сама она настоящая леди.

Мне не было надобности долго смотреть. Я взглянул только раз, боясь, чтобы она не увидела меня здесь, в этой комнате, откуда раздавалась музыка; не увидела бы, что я смотрю из окна на нее, стоящую на улице, в то время как ее отец в том же доме со слезами, может быть, молит сохранить ему жизнь, а я сам только что отверг его просьбу. Но один лишь взгляд на нее повысил меня в собственном мнении и придал мне смелости по отношению к молодым девушкам. Бесспорно, они были прекрасны, но и Катриона была красива: в ней чувствовалось что-то живое, огненное. Насколько эти девушки угнетали меня, настолько она оживляла меня. Я вспомнил, как с ней мне легко было говорить, и подумал, что если я не сумел поддержать разговор с изящными барышнями, то в этом, быть может, они были сами виноваты. К моему смущению стало примешиваться какое-то веселое чувство, а когда тетка улыбнулась мне из-за своей работы, а три дочери окружили меня, как ребенка, причем по лицам их было видно, что это они делают по «папашину приказанию», мне самому захотелось улыбнуться.

Вскоре к нам вернулся папаша, по-видимому все такой же добродушный, довольный, любезный, как и прежде.

– Ну, девочки, – сказал он, – я должен опять увести мистера Бальфура, но вы, надеюсь, уговорили его прийти еще раз: я всегда буду рад его видеть.

Каждая из них сказала мне несколько любезных слов, и адвокат увел меня.

Если он надеялся, что визит его семейству ослабит мое сопротивление, то очень ошибся. Я был не таким дураком, чтобы не понять, как я плохо сыграл свою роль: девушки, должно быть, от души зевнули, как только я повернулся к ним спиной. Я им показал, что мне не хватает любезности и изящества, и теперь жаждал случая проявить себя человеком решительным, суровым и даже опасным.

Желание мое скоро исполнилось: сцена, которая разыгралась затем, носила совсем иной характер.

VI. Бывший лорд Ловат

В кабинете Престонгрэнджа нас ожидал человек, который с первого же взгляда возбудил во мне такое отвращение, точно он был хорек или клещ. Он был очень безобразен, но имел вид джентльмена. Несмотря на спокойные манеры, он был способен на внезапные вспышки ярости. Слабый голос его по желанию мог звучать пронзительно и угрожающе.

Адвокат дружески и фамильярно познакомил нас.

– Вот, Фрэзер, – сказал он, – тот самый Бальфур, о котором мы говорили. Мистер Давид, это мистер Фрэзер, которого прежде называли другим именем... но это уже старая история. У мистера Фрэзера есть к вам дело.

С этими словами он отошел к библиотечным полкам и сделал вид, будто наводит справки в какой-то книге в дальнем углу комнаты.

Таким образом меня как бы оставили наедине с человеком, которого я менее всего ожидал видеть. Слова, с которыми его представили мне, не оставляли никаких сомнений. Это был не кто иной, как лишенный прав владелец Ловата и вождь большого клана Фрэзеров. Я знал, что он во главе своего клана участвовал в восстании, что его отец – серая горная лисица Гайлэнда – за то же преступление сложил голову на плахе, что земли этой семьи были конфискованы, а члены ее лишены дворянского достоинства. После этого я не мог понять, что Фрэзер делает в доме Гранта. Я не мог представить себе, что он теперь служит в суде, отказался от своих убеждений и низкопоклонничает перед правительством до такой степени, что стал помощником лорда-адвоката в деле об аппинском убийстве.

– Ну-с, мистер Бальфур, – начал он, – что я могу слышать от вас?

– Не могу дать вам заранее никаких объяснений, – ответил я. – Но вы можете осведомиться у лорда-адвоката: ему известны мои взгляды.

– Должен сказать вам, что я принимаю участие в аппинском деле, – продолжал он. – Я выступаю как помощник Престонгрэнджа. Изучив предварительные данные, я могу уверить вас, что ваше мнение ошибочно. Вина Брека очевидна, а ваше свидетельство о том, что вы видели его на холме в самый момент убийства, неминуемо приведет его к виселице.

– Трудно будет повесить его, прежде чем его не поймут, – заметил я. – Что же касается остального, то я охотно предоставляю вам оставаться при своем мнении.

– Герцог уже уведомлен обо всем, – продолжал он. – Я только что вернулся от его светлости. Он высказался предо мной со всей искренностью и прямоотой, подобающими вельможе, упомянул и о вас, мистер Бальфур, и заранее выразил вам свою благодарность, если вы позволите, чтобы вами руководили те, кто лучше вас понимают ваши собственные интересы, так же как и интересы страны. В его устах благодарность не есть пустое выражение *experto crede*. Вы, вероятно, слышали кое-что о моем имени и моем клане, о достойном порицания примере и печальной смерти моего покойного отца, не говоря уже о моих собственных заблуждениях. Я теперь примирился с добрейшим герцогом. Он замолвил за меня словечко нашему другу Престонгрэнджу. И вот у меня снова нога в стремя, и я частично разделяю с ним его обязанности в деле преследования врагов короля Георга и мщения за наглую и прямую оскорбление его величества.

– Бесспорно, славная должность для сына вашего отца, – заметил я.

Он нахмурил брови.

– Вы, кажется, пытаетесь иронизировать, – сказал он, – но меня привел сюда мой долг: я должен добросовестно исполнить данное мне поручение, и вы напрасно стараетесь отвлечь меня. Позвольте заметить вам, что молодому человеку с вашим умом и самолюбием хороший толчок с самого начала даст больше, чем десять лет усидчивой работы. Толчок этот теперь вам

могут дать: выбирайте, какое назначение вы желаете получить, и герцог позаботится о вас, как любящий отец.

– Мне кажется, что мне недостает сыновнего послушания, – возразил я.

– Вы, кажется, действительно полагаете, что государственный строй нашей страны рухнет из-за какого-то невоспитанного мальчишки? – воскликнул он. – Аппинское дело служит испытанием: все, кто желает успеть в будущем, должны содействовать ему. Вы думаете, я для своего удовольствия ставлю себя в фальшивое положение человека, который преследует того, с кем вместе сражался? Но у меня нет выбора.

– Мне кажется, сэр, – заметил я, – что вы лишились права выбора уже тогда, когда приняли участие в этом чудовищном восстании. Я, к счастью, нахожусь в другом положении: я верный подданный и без замешательства могу смотреть в глаза как герцогу, так и королю Георгу.

– Так ли это? – сказал он. – Уверяю вас, что вы сильно заблуждаетесь. Престонгрэндж до сих пор был так учтив, как он сообщил мне, что не опровергал ваших доводов, но вы не должны думать, что они не возбуждают сильного подозрения. Вы уверяете, что невиновны. Любезный сэр, факты доказывают, что вы виновны.

– Жду вашего объяснения, – сказал я.

– Показание Мунго Кемпбелла, ваше бегство после совершения убийства, тайна, которою вы так долго окружали себя, милый мой, – продолжал мистер Симон, – всего этого достаточно, чтобы повесить ягненка, а не то что Давида Бальфура! Я буду присутствовать на суде и тогда заговорю во всеуслышание. Я заговорю иначе, чем сегодня, и как ни мало вам нравятся сейчас мои слова, но тогда они еще менее будут вам по душе. А, вы побледнели! – воскликнул он. – Я нашел ключ к вашему бесстыдному сердцу. Вы бледны, глаза ваши бегают, мистер Давид! Вы видите, что виселица и могила ближе к вам, чем вы предполагали.

– Признаюсь в естественной слабости, – сказал я. – Я не нахожу в этом ничего позорного... Позор... – продолжал я.

– Позор ждет вас на виселице, – прервал он.

– Где я сравниюсь с лордом, вашим отцом, – сказал я.

– Вовсе нет! – воскликнул он. – Вы, кажется, еще не поняли всего. Мой отец пострадал за великое дело, за то, что вмешался в раздоры королей. Вы же будете повешены за грязное убийство из-за грошей. Ваша роль в нем заключалась в том, чтобы предательски задержать несчастного разговором. Вашими сообщниками были гайлэндские оборванцы. Может быть доказано, великий мистер Бальфур, – и будет доказано, поверьте мне, человеку, заинтересованному в этом деле, – что вы были подкуплены. Я уже представляю себе, как все переглядываются в суде, когда я приведу свои доказательства: вы, юноша с образованием, позволили подкупить себя и пойти на это ужасное преступление из-за пары старого платья, бутылки гайлэндской водки, трех шиллингов и пяти с половиною пенсов медной монетой.

В этих словах была доля правды, которая поразила меня точно ударом: действительно, пара платья, бутылка водки и три шиллинга и пять с половиною пенсов медной монетой составляли почти все, что я с Аланом унес из Аухарна. Я понял, что кто-то из слуг Джемса болтал в тюрьме.

– Вы видите, что я знаю больше, чем вы воображали, – с торжествующим видом заключил он. – Вы не должны думать, великий мистер Давид, что у правительства Великобритании и Ирландии не будет достаточно средств, чтобы придать делу такой оборот. У нас здесь, в тюрьме, есть люди, которые готовы по нашему приказанию поклясться в чем угодно, – по моему приказанию, если вам больше нравится. Теперь вы можете представить себе, какую славу принесет вам смерть, если вы предпочтете умереть. Итак, с одной стороны – жизнь, вино, женщины и герцог, готовый служить вам; с другой – веревка на шею, виселица, на которой вы будете болтаться, самая гнусная история о подкупленном убийце, которую услышат ваши потомки. Взгляните сюда, – крикнул он пронзительным голосом, – взгляните на документ, который я

вынимаю из кармана! Посмотрите на имя: это, кажется, ваше имя, великий мистер Давид, чернила еще не успели просохнуть. Догадываетесь ли вы, что это за документ? Это приказ о вашем аресте. Стоит мне только прикоснуться к звонку рядом со мной, и приказ этот будет немедленно приведен в исполнение. А если по этому приказу вы попадете в Толбут, то, помоги вам бог, жребий будет брошен.

Не могу отрицать, что такая низость ужаснула меня, и я пришел в уныние от грозящей мне опасности и близкого позора. Мистер Симон уже заранее торжествовал, видя, что я побледнел; не сомневаюсь, что теперь я был так же бел, как моя рубашка. Кроме того, мой голос дрожал.

– В этой комнате есть джентльмен! – воскликнул я. – Я обращаюсь к нему. В его руки я отдаю свою жизнь и честь.

Престонгрэндж с шумом захлопнул книгу.

– Я предупреждал вас, Симон, – сказал он. – Вы сыграли свою игру и проиграли ее. Мистер Давид, – продолжал он, – поверьте, что вас не по моему желанию подвергли этому испытанию. Мне хотелось бы, чтобы вы знали, что я рад тому, что вы с честью вышли из него. Вы не поймете почему, но этим вы некоторым образом оказываете услугу и мне. Если бы мой друг действовал успешнее, чем я в прошлую ночь, то оказалось бы, что он лучше знает людей, чем я. Оказалось бы, что мы не на своих местах, мистер Симон и я. А я знаю, что наш друг Симон честолобив, – сказал он, слегка дотрагиваясь до плеча Фрэзера. – Что же касается этой комедии, то она окончена. Мои симпатии на вашей стороне, и каков бы ни был исход этого несчастного дела, я сочту своим долгом позаботиться, чтобы к вам отнеслись снисходительно.

Это были добрые слова. Впрочем, насколько я мог заметить, отношения моих противников были не особенно дружелюбны и даже слегка враждебны. Тем не менее было ясно, что это свидание устроили, а может быть, и предварительно разыграли они оба. Мои противники хотели испытать меня всеми средствами. Теперь, когда уговоры, лесть и угрозы оказались тщетными, мне интересно было знать, что они предпримут дальше. Но после всего, что я испытал, в глазах у меня стоял туман. Я мог только повторять:

– Отдаю свою жизнь и честь в ваши руки.

– Хорошо, хорошо, – сказал Престонгрэндж, – постараемся спасти их. А пока обратимся к более мягким средствам. Вы не должны сердиться на моего друга мистера Симона, который действовал так, как ему было предписано. Если вы даже питаете неприязнь и ко мне за то, что я, присутствуя тут же, как бы поощрял его, это чувство не должно распространяться на невинных членов моего семейства. Им очень хочется почаще видеть вас, и я не желал бы, чтобы моя молодежь обманулась в своих ожиданиях. Завтра они отправятся в Гоп-Парк. Хорошо было бы и вам пойти туда. Сперва зайдите ко мне: может быть, мне нужно будет сообщить вам кое-что наедине. Затем вы пойдете в сопровождении моих барышень, а до тех пор повторите свое обещание хранить тайну.

Лучше было бы мне сразу отказаться, но, по правде говоря, я не в состоянии был рассуждать. Не помню, как я распротился с моими собеседниками, и, очутившись за дверью, с облегчением прислонился к стене дома, чтобы обтереть лоб. Ужасное появление мистера Симона не выходило из моей памяти, как неожиданный аккорд, который долго звучит в ушах. Все, что я слышал и читал об его отце, о нем самом, об его лживости и постоянных изменах, вспомнилось мне сейчас и слилось с тем, что я только что испытал. Думая о гнусной клевете, которую он хотел меня опозорить, я содрогался. Преступление человека, повешенного у Лейт-Уока, мало отличалось от того, в котором теперь обвиняли меня. Разумеется, подло украсть ничтожную сумму у ребенка, но то, что Симон Фрэзер собирается сказать на суде обо мне, было так же отвратительно.

Голоса двух ливрейных лакеев Престонгрэнджа, которые разговаривали на пороге дома, привели меня в себя.

- Вот, – сказал первый, – возьми эту записку и отнеси ее как можно скорей капитану.
- Что же, опять требуют этого разбойника? – спросил второй.
- Вероятно, – отвечал первый. – Он нужен ему и Симону.
- Мне сдается, что Престонгрэндж спятил, – заметил второй. – Он не может жить без

Джемса Мора.

- Ну, это не наше дело, – сказал первый.

Они разошлись. Первый пошел исполнять свое поручение, второй возвратился в дом.

Все это обещало мало хорошего. Не успел я уйти, как они уже послали за Джемсом Мором, на которого, вероятно, и намекал мистер Симон, говоря о людях, заключенных в тюрьму и готовых всеми возможными средствами спасти свою жизнь. Волосы мои стали дыбом, а через минуту кровь бросилась мне в голову при мысли о Катрионе. Бедная девушка! Отца ее присудили к виселице за проступки, которые вряд ли можно было извинить. Но что еще хуже: он, видимо, готов был для спасения своей жизни совершить самое позорное преступление – дать ложную клятву. И, в довершение несчастья, жертвой его был выбран я.

Я быстро и наугад пошел вперед, чувствуя потребность в движении, воздухе и просторе.

VII. Я не сдержал свое слово

Положительно не знаю, каким я образом вышел на Ланг-Дейкс. Это проселочная дорога, которая ведет в город с северной стороны. Передо мной расстился весь Эдинбург, начинавшийся с замка, стоявшего на утесе над лохом, и продолжавшийся длинным рядом шпилей и крыш с дымящимися трубами. При виде этого у меня на сердце стало тяжело. Как я уже говорил, я привык к опасностям. Однако то, с чем я столкнулся лицом к лицу в это утро среди так называемой городской безопасности, превзошло все, что мне случалось испытывать. Боязнь попасть в неволю, кораблекрушение, возможность погибнуть от шпаги или выстрела – все это я с честью выдержал. Но то, что звучало в резком голосе и что можно было прочесть на жирном лице Симона – по-настоящему лорда Ловата, – отнимало у меня всякое мужество.

Я сел на берегу озера, там, где росли камыши, погрузил руки в воду и смочил виски. Я бы охотно отказался сейчас от своей безумной затеи, если бы не чувство самоуважения. Было ли то храбростью, или трусостью, или, как мне теперь кажется, и тем и другим вместе, но я решил, что зашел слишком далеко, чтобы возможно было отступление. Я смело говорил с этими людьми и впредь буду говорить так же. Что бы ни случилось, я не откажусь от своих слов.

Сознание своей твердости придало мне некоторую бодрость. Но все-таки у меня точно камень лежал на сердце, и жизнь моя казалась чрезвычайно тяжелой задачей. Особенно жаль мне было двоих: себя самого, такого одинокого среди стольких опасностей, и молодую девушку, дочь Джемса Мора. Я видел ее мельком, но успел составить о ней суждение. Я считал, что у этой девушки чувство чести развито, как у мужчины, и что она может умереть от бесчестия. А между тем я имел основание предполагать, что в эту минуту отец ее спасает собственную подлую жизнь ценой моей жизни. Мысленно я соединял свою судьбу с судьбой этой девушки. Хотя я и видел ее только на улице и всего одну минуту, но странным образом она успела понравиться мне, а теперь наше положение, казалось, сближает нас: она была дочерью моего кровного врага, можно сказать, моего убийцы. Мне показалось жестоким всю жизнь терпеть лишения и преследования из-за чужих дел, а самому не знать ни малейшей радости. Правда, я был сыт, у меня была постель, и я мог отдохнуть, когда этому не мешало беспокойство, но ничего более не дало мне мое богатство. Если мне суждена была виселица, то жить мне осталось недолго. Если же меня не повесят и я выпутаюсь из этой беды, то жизнь моя может быть очень длинной и томительно скучной. Вдруг мне сразу представилось ее лицо таким, каким я увидел его в первый раз, с полуоткрытым ртом, и я решительно направился по дороге в Дин. «Если завтра меня повесят и, что весьма вероятно, я проведу сегодняшнюю ночь в тюрьме, то хоть услышу что-нибудь о Катрионе и поговорю с ней», – решил я.

Ходьба и мысли о свидании с Катрионной подкрепили меня, и ко мне начала возвращаться некоторая энергия.

В том месте, где деревня Дин уходит в глубь долины и спускается к реке, я навел справки у мельника. Он указал мне ровную тропинку, которая вела на дальний конец деревни, к чистенькому маленькому домику, окруженному садом с лужайками и яблонями. Сердце мое сильно забилося, когда я вошел за садовую ограду, и совсем упало, когда я столкнулся лицом к лицу с безобразной старой леди в белом платье, с мужской шляпой на голове.

– Что вам тут надо? – спросила она.

Я сказал ей, что пришел к мисс Друммонд.

– А какое у вас дело к мисс Друммонд? – сердито продолжала она.

Я рассказал, что встретил ее в прошедшую субботу, имел счастье оказать ей ничтожную услугу и явился теперь по приглашению молодой леди.

– Так вы и есть Сикспенс! – воскликнула она чрезвычайно насмешливо. – Хороший дар, нечего сказать, и прекрасный джентльмен! Разве у вас нет имени и прозвища, или вы так и окрещены Сикспенсом?³ – спросила она.

Я назвал свое имя.

– Господи помилуй! – воскликнула она. – Разве у Эбенезера есть сын?

– Нет, – отвечал я, – я сын Александра. Я теперь шоосский лэрд.

– Вам будет довольно трудно доказать свои права на поместье вашего дяди, – заметила она.

– Я вижу, что вы хорошо его знаете, – сказал я, – и вам, вероятно, будет приятно узнать, что дела мои с ним улажены.

– Что же вас привело сюда, к мисс Друммонд? – продолжала она.

– Я пришел за своим сикспенсом, – ответил я. – В этом нет ничего удивительного: племянник своего дяди, я должен быть скуповат.

– О да, вы не так скупы, – одобрительно заметила старая леди. – Я думала, что вы сущий теленок со своим сикспенсом, счастливым днем и памятью Бальуйддера. (Из этих слов я с удовольствием заключил, что Катриона не забыла нашего разговора.) Но все это к делу не относится, – сказала она. – Должна ли я понять, что вы собираетесь жениться на ней?

– Мне кажется, что это преждевременный вопрос, – сказал я. – Она еще очень молода, да, к сожалению, и я тоже. Я видел ее всего один раз. Не отрицаю, что со времени нашей встречи я много думал о ней. Но думать – одно, а брать на себя обязательство – другое, и мне кажется, это было бы очень глупо с моей стороны.

– Вы, как я вижу, за словом в карман не полезете, – продолжала старая леди. – Я, слава богу, тоже. Я была так глупа, что согласилась взять на свое попечение дочь этого мошенника, – прекрасная обязанность, нечего сказать! Но так как я взяла ее на себя, то и буду выполнять по-своему. Вы хотите уверить меня, мистер Бальфур из Шооса, что женились бы на дочери Джемса Мора, даже если его повесят? Ну, а там, где женитьба невозможна, – там не должно быть и никаких ухаживаний, намотайте себе это на ус. Девушки легкомысленны, – прибавила она, качая головой. – И хотя вы этого не подумаете, глядя на мои морщины, я сама была молода и даже красива.

– Леди Аллардейс, – сказал я, – я знаю, что это ваше имя... Вы, кажется, и спрашиваете и отвечаете за нас двоих. Так мы никогда не договоримся. С вашей стороны жестоко допрашивать меня, человека, которому грозит виселица, намерен ли я жениться на девушке, которую видел только один раз. Я уже сказал вам, что не так неосторожен, чтобы брать на себя такое обязательство. Но я все-таки кое в чем соглашаюсь с вами. Если девушка будет и дальше нравиться мне – а я имею причины надеяться на это, – то ни отец ее, ни виселица не смогут разлучить нас. Что же касается моей семьи, то у меня ее нет. Я ничем не обязан своему дяде, и если женюсь, то для того только, чтобы доставить радость одной особе, и больше никому.

– Я слышала подобные слова, когда вас еще не было на свете, – отвечала миссис Ожильви, – и потому мало придаю им значения. Здесь надо многое принять во внимание. К моему стыду должна признаться, что Джемс Мор мой родственник. Но чем лучше семья, тем больше в ней бывает повешенных и обезглавленных, – такова уж история несчастной Шотландии! Если бы речь шла только о виселице! Я была бы рада видеть Джемса с веревкой на шее – по крайней мере, это был бы конец. Кэтрин хорошая девушка, у нее доброе сердце: весь день она терпит воркотню такого старого уроды, как я. Но у нее есть слабость. Она теряет голову, как только дело доходит до этого долговязого, лживого, лицемерного нищего – ее отца, до всех Грегоров, до политики короля Якова и тому подобного. Если вы думаете, что могли бы руководить ею, то очень ошибаетесь. Вы говорите, что видели ее только раз...

---

³ Сикспенс – монета в шесть пенсов.

– Видите ли, я говорил с ней только раз, – прервал ее я. – Но сегодня я опять видел Катриону из окна Престонгрэнджа.

Я так сказал потому, что это слово хорошо звучало, и тотчас же был наказан за свое хвастовство.

– Это еще что? – воскликнула старая леди, внезапно нахмутив лицо. – Мне кажется, что вы и в первый раз встретились с ней у дверей адвоката.

Я ответил, что действительно это было так.

– Гм... – сказала она, а затем воскликнула брюзгливым тоном: – Ведь я только из ваших слов знаю, кто вы и что вы! Вы уверяете, что вы Бальфур из Шооса, но, кто вас знает, вы можете быть и Бальфуром черт знает откуда! Возможно, что вы пришли сюда за тем, о чем вы говорите, но возможно также, что вы здесь черт знает для чего! Я достаточно предана вигам, чтобы сидеть смирно и стараться помочь членам моего клана. Но я не позволю дурачить себя. Скажу вам откровенно: вы слишком много говорите о двери и окне адвоката для человека, который ухаживает за дочерью Мак-Грегора. Можете передать это адвокату, пославшему вас сюда. До свидания, мистер Бальфур, – прибавила она, посылая мне воздушный поцелуй, – приятного пути туда, откуда вы пришли.

– Если вы считаете меня шпионом... – вспыхнул я, и слова остановились у меня в горле. Я постоял и посмотрел на нее, затем поклонился и повернулся к выходу.

– Ну, ну, наш любезник, кажется, рассердился! – воскликнула она. – Считаю вас шпионом? Кем же я должна считать вас, когда совсем вас не знаю? Но я вижу, что ошиблась, и так как не могу драться с вами, то должна извиниться. Прекрасно бы я выглядела со шпагой в руке! Ну, ну, – продолжала она, – вы вовсе уж не такой дурной малый. Мне кажется, что у вас есть свои достоинства. Но, Давид Бальфур, вы чертовски самолюбивы. Вам надо стараться избавиться от этого, мой милый. Вам следует научиться гнуть спину и немного меньше воображать о себе. И еще надо бы вам привыкнуть к мысли, что женщины не гренадеры. Но я уверена, что вы неисправимы: до конца жизни вы будете понимать в женщинах не более, чем я в военном ремесле.

Я никогда не слыхал подобных речей от дам, так как единственные две леди, которых я знал, мать моя и миссис Кемпбелл, были очень набожны и благовоспитанны. Вероятно, удивление ясно выразилось на моем лице. Миссис Ожильви вдруг расхохоталась.

– Боже мой, – закричала она, задыхаясь от смеха, – вы, с таким ангельским лицом, хотите жениться на дочери гайлэндского разбойника! Дэви, милый мой, это надо сделать хотя бы для того, чтобы посмотреть, какие у вас будут детишки. А теперь, – продолжала она, – вам нечего болтаться здесь: барышни нет дома, а я, старуха, боюсь, буду для вас плохой компанией. Да, кроме того, у меня нет никого, кто бы позаботился о моей репутации: я и так слишком долго оставалась наедине с таким обворожительным юношей. Приходите в другой раз за своим сикспенсом! – крикнула она мне вслед, когда я уже ушел.

Стычка с этой шальной леди придала мне смелости, которой мне до тех пор не хватало. Вот уже два дня, как образ Катрионы не выходил у меня из головы: она была как бы фоном для всех моих размышлений, и меня уже не удовлетворяло бы собственное общество, если бы где-нибудь в уголке сознания я не чувствовал ее. Теперь она стала мне сразу близкой. Мне казалось, что я мысленно дотрагиваюсь до той, к которой на деле прикасался всего раз в жизни. Я всем своим существом потянулся к ней: весь мир без нее казался мне безотрадной пустыней, по которой, как солдаты в походе, проходят люди, исполняя свой долг. Одна лишь Катриона на всем свете могла подарить мне счастье. Впоследствии я сам удивлялся, что мог предаваться подобным мыслям в то опасное для меня время, и, вспоминая свою молодость, стыдился самого себя. Мне еще надо было закончить свое образование, надо было заняться каким-нибудь полезным делом – отслужить там, где все обязаны служить. Мне еще надо было доказать, что я мужчина.

Погрузившись в свои размышления, я прошел уже полдороги по направлению к городу, когда заметил шедшую мне навстречу фигуру, и волнение мое еще больше усилилось. Мне казалось, что я должен Катрионе сказать чрезвычайно много, но не знал, с чего начать. Вспомнив, как я был неразговорчив в это утро в доме адвоката, я был уверен, что теперь совсем онемел. Но когда она приблизилась ко мне, все мои опасения рассеялись. Даже то, о чем я только что думал, нисколько не смущало меня. Я нашел, что могу говорить с ней так же свободно и разумно, как с Аланом.

– О, – воскликнула она, – вы приходили за своим сикспенсом! Что же, получили вы его?

Я сказал ей, что не получил, но так как я встретил ее, то прогулялся не зря.

– Правда, сегодня я уже видел вас, – продолжал я и объяснил, где и когда.

– А я не видела вас, – сказала она, – у меня глаза хотя и большие, но не видят далеко.

Я только слышала пение в доме.

– Это пела старшая и самая красивая мисс Грант, – отвечал я.

– Говорят, что они все красивы, – заметила она.

– Они тоже находят вас красавицей, мисс Друммонд, – отвечал я, – и стояли у окна, чтобы увидеть вас.

– Жаль, что я так близорука, – сказала она, – а то бы я их тоже увидела. Так вы были в доме? Вы, должно быть, приятно провели время с красивыми леди, слушая хорошую музыку?

– Вы ошибаетесь, – отвечал я, – я чувствовал себя так же неловко, как рыба на склоне горы. Дело в том, что я скорее создан для общества грубых мужчин, чем красивых леди.

– Да, я это тоже нахожу, – сказала она, и оба мы рассмеялись.

– Странное дело, – заметил я, – я нисколько не боюсь вас, а готов был убежать от мисс Грант. Я также испугался вашей родственницы.

– О, я думаю, ее всякий испугался бы! – воскликнула она. – Мой отец сам боится ее.

Упоминание об ее отце заставило меня умолкнуть. Идя рядом с нею, я смотрел на нее и вспоминал этого человека, которого я знал так мало, но который возбуждал во мне такие ужасные подозрения. И, сравнивая его с нею, я чувствовал себя предателем, потому что молчу.

– Кстати, – сказал я, – сегодня утром я встретил вашего отца.

– Неужели? – воскликнула она радостным голосом. – Вы видели Джемса Мора? Вы, значит, говорили с ним?

– Да, я говорил с ним, – сказал я.

Тут дело приняло самый дурной для меня оборот: она взглянула на меня с глубокой благодарностью.

– Благодарю вас, – сказала она.

– Меня не за что благодарить, – начал я и остановился. Мне показалось, что если я должен скрывать от нее все, то хоть несколько слов я все же ей мог сказать. – Я довольно грубо говорил с ним, – продолжал я. – Он мне не особенно понравился. Я говорил с ним дерзко, и он рассердился.

– В таком случае вам нечего разговаривать с его дочерью и еще рассказывать ей об этом! – воскликнула она. – Я не хочу знать тех, кто не любит и не уважает моего отца.

– Позвольте мне сказать еще слово, – сказал я, начиная дрожать. – Мы оба, может быть, бываем у Престонгрэнджа в дурном настроении. Ведь у обоих у нас там неприятные дела, и это опасный дом. Мне было жаль его, и я первый заговорил, но не особенно рассудительно, должен сознаться. Вы, вероятно, скоро увидите, что дела его в одном отношении исправляются.

– Вероятно, не с помощью вашей дружбы, – сказала она, – и ему остается только благодарить вас за сочувствие.

– Мисс Друммонд, – воскликнул я, – я один на свете!

– Это меня нисколько не удивляет, – сказала она.

– О, дайте мне высказаться! – просил я. – Я только раз выскажусь, а потом оставлю вас навсегда, если вы того желаете. Я пришел сегодня в надежде услышать ласковое слово, в котором сильно нуждаюсь. Я знаю, что мои слова должны были оскорбить вас, и знал это, когда произносил их. Мне было бы легко выразиться мягче и солгать вам. Неужели вы думаете, что это не соблазняло меня? Разве вы не видите, что я говорю правду?

– Мне кажется, не стоит труда обсуждать это, мистер Бальфур, – сказала она. – Я думаю, что довольно с нас одной встречи и теперь мы можем мирно расстаться.

– О, пусть хоть один человек поверит мне, – умолял я, – иначе я не вынесу! Весь свет ополчился против меня! Как мне сделать свое дело, если судьба моя так ужасна?! Я не могу завершить его, если никто не поверит в меня. Одному человеку придется умереть, потому что я не в силах выполнить свой долг.

Она все время смотрела вдаль, высоко подняв голову, но мои слова и тон, каким они были произнесены, заставили ее прислушаться.

– Что вы сказали? – спросила она. – О чем вы говорите?

– Мои показания могут спасти невинного человека, – сказал я, – а меня не допускают в свидетели. Что бы вы сделали на моем месте? Вы знаете, что это значит, – ведь ваш отец тоже в опасности. Покинули бы вы несчастного? Меня хотели подкупить: обещали мне золотые горы, чтобы заставить меня от него отказаться, были пущены в ход все средства. А сегодня один негодяй объявил мне, что меня хотят лишить моего честного имени! Меня хотят впутать в дело об убийстве: они хотят доказать, что я ради платья и денег задержал Гленура своими разговорами; меня хотят опозорить и убить. Если со мной поступят таким образом, со мной, едва достигшим совершеннолетия, если такую историю будут рассказывать обо мне по всей Шотландии, если вы тоже поверите ей и мое имя станет позорным, то как мне перенести это, Катриона? Это невозможно! Это больше, чем может вынести душа человеческая!

Я говорил беспорядочно, отрывистыми фразами. Когда же я умолк, то увидел, что она глядит на меня испуганными глазами.

– Гленур! Это апшинское убийство, – сказала она тихо, но с большим удивлением.

Провожая ее, я повернул обратно, и теперь мы приближались к вершине холма над деревней Дин. При ее словах я как вкопанный остановился против нее.

– Боже мой, – воскликнул я, – боже мой, что я наделал! – и схватился рукою за виски. – Как мог я сделать это? Я, должно быть, обезумел, если говорю подобные вещи!

– Ради бога, что с вами случилось? – воскликнула она.

– Я дал слово, – простонал я, – я дал слово и вот... не сдержал его. О Катриона!

– Скажите мне, в чем дело? – спросила она. – Вы это не должны были говорить? Вы думаете, может быть, что у меня нет чести, что я выдам друга? Смотрите, я поднимаю правую руку и клянусь вам, что буду молчать!

– О, я знаю, что вы сдержите клятву, – возразил я, – но я! Еще сегодня утром я стоял перед ними и смело переносил их взгляды. Я предпочитал умереть позорной смертью на виселице, чем поступить нечестно, а через несколько часов в обыкновенном разговоре на большой дороге нарушаю свое обещание! «Из нашего разговора мне ясно видно, – сказал адвокат, – что могу положиться на ваше честное слово!» Где теперь мое слово? Кто мне теперь поверит? Вы не можете верить мне. Я совсем упал в ваших глазах. Нет, лучше умереть! – Все это я проговорил плачущим голосом, хотя слез у меня не было.

– Мне больно за вас, – сказала Катриона, – но, право, вы слишком совестливы. Вы говорите, что я не поверю вам. Да я бы вам во всем доверилась! Что же касается этих людей, то я и думать о них не хочу! Ведь они хотят поймать вас в ловушку и уничтожить! Фи! Теперь не время унижаться! Поднимите голову! Я буду восторгаться вами, как героем, вами, мальчиком почти одних лет со мною! Стоит ли придавать такое значение нескольким лишним словам, сказанным другу, который скорее умрет, чем выдаст вас!

– Катриона, – спросил я, глядя на нее исподлобья, – правда это? Вы бы доверились мне?

– Неужели вы не верите моим словам? – воскликнула она. – Я чрезвычайно высокого мнения о вас, мистер Давид Бальфур. Пускай вас повесят. Я вас никогда не забуду, я состарюсь и все буду помнить вас. Мне кажется, что в такой смерти есть что-то великое. Я буду завидовать тому, что вас повесили!

– А может быть, меня запугали как ребенка? – сказал я. – Они, может быть, только смеются надо мной.

– Это мне нужно знать, – ответила она, – я должна знать все. Ошибка, во всяком случае, уже сделана. А теперь расскажите мне все.

Я сел на краю дороги; она опустилась рядом со мной. Я рассказал ей все дело почти так, как написал здесь, пропустив только свои соображения о поведении ее отца.

– Ну, – заметила она, когда я кончил, – вы действительно герой, хотя я никогда бы этого не подумала. Мне кажется также, что вам угрожает опасность. О, Симон Фрэзер! Можно ли было ожидать! Участвовать в таком деле ради жизни и денег! – И вдруг она громко воскликнула: – Ах, мучение! Взгляните на солнце!

Это выражение: «Ах, мучение!» – я впоследствии часто слышал от нее: оно входило в состав ее собственного оригинального языка.

Действительно, солнце уже склонялось к горам.

Она велела мне скоро опять прийти, подала руку и оставила меня в самом радостном волнении. Я не торопился возвращаться на свою квартиру, так как боялся немедленного ареста, но поужинал на постоялом дворе и большую часть ночи одиноко бродил среди ячменных полей, так ясно чувствуя присутствие Катрионы, точно нес ее на руках.

VIII. Наемный убийца

На следующий день, 29 августа, я пришел на свидание к адвокату в новом платье, сшитом по моему заказу.

– А, – сказал Престонгрэндж, – вы сегодня очень нарядны; у моих барышень будет прекрасный кавалер. Это очень любезно с вашей стороны, мистер Давид, очень любезно! О, мы еще прекрасно поживем, и мне кажется, что ваши невзгоды с этого времени почти закончились.

– У вас есть что-нибудь новое для меня? – воскликнул я.

– Сверх ожидания, да, – отвечал он. – Ваши свидетельские показания в конце концов все-таки будут приняты. Вы, если желаете, можете поехать со мной на суд, который состоится в Инвераре в четверг, 21 сентября.

Я от удивления не находил слов.

– А пока, – продолжал он, – я хотя и не прошу вас возобновить свое обязательство, но должен посоветовать вам все держать в тайне. Завтра с вас снимут предварительное показание. Чем менее лишнего будет сказано, тем лучше.

– Постараюсь быть скромным, – сказал я. – Я думаю, что обязан вам этою милостью, и от души благодарю вас. После вчерашнего, милорд, это мне кажется раем. Я едва могу поверить.

– Надо, однако, постараться поверить, – сказал он успокоительно. – Я очень рад, что вы считаете себя обязанным мне: вы можете вскоре, даже сейчас же отплатить мне. Дело значительно изменилось. Ваши показания, которыми я сегодня не буду беспокоить вас, без сомнения, повлияют на исход дела относительно всех заинтересованных в нем лиц, и потому мне в разговоре будет легче коснуться с вами одного обстоятельства...

– Милорд, – прервал я, – извините, что я перебиваю вас, но как это удалось сделать? Препятствия, о которых вы говорили мне в субботу, даже мне показались непреодолимыми. Как же все устроилось?

– Милейший мистер Давид, – отвечал он, – я не вправе разглашать «даже вам», как вы говорите, совещания правительства. Вы должны удовольствоваться самим фактом.

Говоря это, он глядел на меня с отеческой улыбкой, играя в то же время новым пером. Мне казалось невозможным, чтобы в его словах была тень обмана, но, когда он придвинул к себе лист бумаги, обмакнул перо в чернила и снова обратился ко мне, я уже не чувствовал этой уверенности и инстинктивно насторожился.

– Я желал бы коснуться одного обстоятельства, – начал он. – Я намеренно оставил его прежде в стороне, но теперь этого больше не нужно. Это, разумеется, не имеет отношения к допросу, который будет производиться другим лицом и представляет для меня только частный интерес. Вы говорите, что встретили Алана Брека на холме.

– Да, милорд, – отвечал я.

– Сейчас же после убийства?

– Да.

– Говорили с ним?

– Да.

– Вы, вероятно, знали его еще раньше? – вскользь спросил он.

– Не могу догадаться, почему вы так думаете, милорд, – отвечал я, – но я действительно знал его.

– Когда вы снова расстались с ним? – спросил он.

– Я отказываюсь отвечать, – сказал я, – этот вопрос будет мне предложен в суде.

– Поймите же, мистер Бальфур, – сказал он, – что мой вопрос не может повредить вам. Я обещал сохранить вам жизнь и честь и, поверьте, смогу сдержать свое слово. Поэтому вам нечего тревожиться. Вы, кажется, полагаете, что можете помочь Алану, а между тем говорите

о благодарности, которую – вы заставляете меня сказать это – я действительно заслужил. Множество различных соображений подсказывают одно и то же. Я никогда не откажусь от мысли, что если бы вы только захотели, то могли бы навести нас на след Алана.

– Милорд, – сказал я, даю вам слово, что я даже не подозреваю, где Алан.

Он на минуту остановился.

– А как его можно найти? – спросил он. Я сидел перед ним как чурбан.

– Так вот какова ваша благодарность, мистер Давид! – заметил он. Опять наступило молчание. – Ну, – сказал он, вставая, – мне не везет: мы не понимаем друг друга. Не будем больше говорить об этом. Вы получите извещение, когда, где и кто будет вас допрашивать. А теперь мои барышни, вероятно, ждут вас. Они никогда не простят мне, что я задерживаю их кавалера.

Вслед за этими словами я был передан в распоряжение трех граций, которые были разряжены так, как я и вообразить не мог, и составляли очаровательный букет.

Когда мы выходили из дверей, случилось маленькое событие, которое имело, как оказалось, очень важные последствия. Я услышал громкий свист, прозвучавший точно короткий сигнал, и, оглянувшись вокруг, на миг заметил рыжую голову Нэйля, сына Дункана. В следующую минуту он уже исчез, и я не увидел даже края платья Катрионы, которую, как я подумал, вероятно, сопровождал Нэйль.

Мои три телохранителя повели меня по Бристо и Брунтсвильд-Линкс. Отсюда дорога привела нас в Гоп-Парк – красивый сад с дорожками, усыпанными гравием, со скамейками, навесами и охраняемый сторожем. Дорога туда была немного длинна. Две младшие леди напустили на себя усталый вид, что ужасно тяготило меня, а старшая смотрела на меня почти со смехом. И хотя я старался себя уверить, что на этот раз являюсь им в лучшем свете, чем накануне, мне стоило большого труда держаться независимо. Когда мы пришли в парк, я очутился в обществе восьми или десяти молодых джентльменов – среди них было несколько офицеров, большинство же были адвокаты, – окруживших трех красавиц и пожелавших сопровождать их. Хотя меня представили всем очень любезно, но, казалось, обо мне немедленно все забыли. Молодые люди в обществе похожи на диких зверей: они или нападают на чужого человека, или без всякой вежливости и, если можно так сказать, человеколюбия пренебрегают им. Я уверен, что если бы очутился среди павианов, то меня встретили бы точно так же. Некоторые адвокаты принялись острить, а офицеры шуметь, и я не могу сказать, кто из них больше раздражал меня. За их манеру держать шпагу или прикасаться к полам кафтана я бы из зависти охотно вытолкнул их из парка. Я уверен, что они, со своей стороны, чрезвычайно завидовали мне потому, что я явился сюда в таком прелестном обществе. Вследствие всего этого я скоро оказался позади и чопорно выступал в тылу всей веселой компании, погруженный в собственные думы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.